

John Tanner

**Тридцать лет среди индейцев:
Рассказ о похищении и
приключениях Джона Теннера**

1830

Tanner J.

Тридцать лет среди индейцев: Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера / J. Tanner — 1830

Повесть Джона Теннера – безыскусный, правдивый, насыщенный драматическими событиями рассказ о жизни и приключениях человека, который в конце XVIII в. девятилетним мальчиком был похищен североамериканскими индейцами и, усыновленный ими, провел среди них 30 лет. Из этой книги, глубоко взволновавшей в свое время великого русского поэта А.С. Пушкина как достоверный документ, разоблачающий лицемерие американской демократии и жестокость белых «цивилизаторов», читатель узнает о тяжелой борьбе за существование индейских охотников-звероловов, об окружающей их суровой природе, о нравах, обычаях и верованиях этих людей, находившихся тогда на этапе первобытнообщинных отношений. Узнает он и о том, как предшественники современных расистов грабили и спаивали индейцев, скупая за бесценок дорогие меха, натравливали одни племена на другие, втягивали их в распри между конкурирующими пушными компаниями и прикрывали свои злодеяния клеветой на «первобытных дикарей», изображая их кровожадными, лживыми и алчными язычниками. Трагическая история Джона Теннера, не нашедшего себе места в корыстолюбивом мире белых людей, куда он вернулся зрелым человеком, несомненно, заинтересует не только широкого читателя, но и специалистов по этнографии, исторической географии и истории Северной Америки. Редакция литературы по вопросам, географических наук

© Tanner J., 1830

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Введение д-ра Эдвина Джемса к жизнеописанию Теннера	16
Глава I	28
Глава II	36
Глава III	43
Глава IV	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

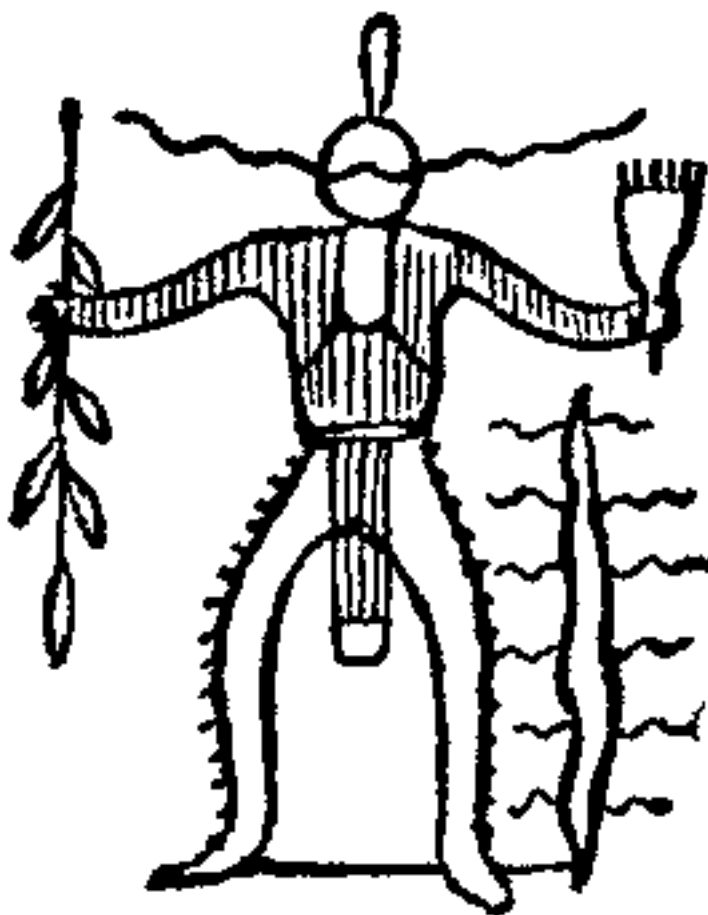
Джон Теннер

Тридцать лет среди индейцев:

Рассказ о похищении и

приключениях Джона Теннера

Предисловие к русскому изданию

Книга Джона Теннера «Тридцать лет среди индейцев», вышедшая в Нью-Йорке в 1830 г. и переведенная затем на многие европейские языки, полностью на русском языке издается впервые. Но с содержанием этой простой, правдивой и полной драматизма истории уже через шесть лет после выхода ее в свет довольно подробно познакомил русскую общественность А. С. Пушкин, опубликовав в 1836 г. в одном из номеров «Современника» пространную рецензию¹, в которой привел перевод отдельных отрывков².

Что же привлекло внимание великого русского поэта к безыскусному повествованию Теннера, достоверность которого, «не подлежит никакому сомнению»³?

---

¹ А.С. Пушкин, Джон Теннер, Соч., ТИХЛ, М., 1950, т. 5, стр. 343—368.

² Отрывки, переведенные Пушкиным, без изменения вошли составной частью в текст данного перевода.

³ А.С. Пушкин, указ. соч., стр. 345.

Повесть Теннера – это рассказ о бесчеловечной эксплуатации индейских звероловов европейскими скупщиками пушнины, открывавшими эру «капиталистического освоения» Северо-Американского материка. Торговля мехами (XVII—XIX вв.), дававшая огромные доходы пушным компаниям, принесла индейцам одни лишь несчастья. Из описаний Теннера очевидно, что к тому времени, когда он попал к индейцам, скупщикам пушнины уже удалось превратить аборигенов в звероловов и промысел пушного зверя стал главным занятием охотничьих племен американской тайги. Большую часть года вели они полуголодную, полную опасностей жизнь в зимнем таежном лесу, заготавливая ценнейшие шкурки, предмет вожделения алчных торгашей, готовых ради них на всякие насилия и преступления не только по отношению к индейцам, но и к своим конкурентам. Жизнь индейца ценилась этими рыцарями наживы не более, чем жизнь «мыслящей собаки», доставлявшей меха. Теннер ярко описывает, как управляющие факториями спаивали индейцев, чтобы за бесценку овладеть пушниной, и как после двух-трех дней пьяного угара охотники возвращались в лес обобранные, ослабленные и голодные, часто не заготовив боеприпасов для промысла или оказавшись в долгу у скупщика. Рассказ Теннера потряс А.С. Пушкина и тем, что он приподнимал завесу над истинной сущностью американской демократии, в «институтах» и «уложениях» которой русский поэт, как и все «наиболее мыслящие» люди Европы, и особенно России того времени, превращенной Николаем I в гигантский застенок, видел воплощение человеческих чаяний и свобод, «плод новейшего просвещения». Однако уже в начале XIX в. стали появляться работы и исследования «нравов и постановлений американских», вследствие которых, по словам Пушкина, люди, верившие в них, «с изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве»⁴. И жизнеописание Теннера еще раз подтверждало эту сущность буржуазной демократии.

Называя «Записки Джона Теннера» документом «драгоценным во всех отношениях», Пушкин дает чрезвычайно глубокий анализ его философского и исторического значения. «Летописи племен безграмотных, – писал он, – они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации»⁵.

Итак, Пушкин считал повесть Теннера не только объективным документом, клеймящим преступления и жестокости, на которых утверждалось буржуазное общество в Америке, но и реальной, полной трагизма картиной жизни отсталых народов, совсем не похожей на идиллический быт людей, пребывающих «в естественном состоянии», который изображал Жан-Жак Руссо.

Оценивая повествование Теннера с позиций реалистической традиции, поэт бросает укор писателям романтического направления, идеализировавшим дикаря. «...Шатобриан и Купер, – пишет Пушкин, – оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрашили истину красками своего воображения»⁶. Только из книги Теннера европейцы впервые узнали правду о жизни индейцев, и притом правду, рассказанную человеком, по существу ставшим индейцем.

---

⁴ А.С. Пушкин, указ. соч., стр. 343.

⁵ А.С. Пушкин, указ. соч., стр. 344, 345.

⁶ Там же, стр. 344.

* * *

Джон Теннер, сын сельского священника, выходца из Виргинии, поселившегося в Кентукки на берегу Огайо, недалеко от устья Биг-Майами, девятилетним мальчиком был похищен индейцами. Это случилось, как пишет сам Теннер, «по-видимому, около 1789 г.». Пленник был формально усыновлен индейской семьей и прожил среди индейцев около 30 лет. За это время Теннер забыл и родной язык и свое английское имя, полностью усвоив традиции и нравы индейцев, их миропонимание и суеверия. Подобные случаи не были редкостью в эпоху колонизации Америки. Но очень немногие американцы, прожив большую часть жизни с индейцами, возвращались обратно в буржуазное общество. Глубокий трагизм судьбы Д. Теннера как раз и заключался в том, что уже в зрелом возрасте он решил вернуться в мир белых.

Повесть о жизни и приключениях Джона Теннера записал с его слов американский ученый Эдвин Джемс⁷, принявший горячее участие в судьбе Теннера, оказавшегося на склоне лет в совершенно чуждом ему мире эксплуатации человека человеком. Жизнь в этом мире принесла Теннеру тяжелые испытания. «Стремлением помочь этому несчастному человеку найти общий язык со своими соотечественниками, – писал Джемс, – и продиктовано решение передать историю жизни Теннера по возможности его собственными словами».

Рассказу Теннера Джемс предпосылает свое введение, полное страстного негодования по поводу отношения правительства США к индейским племенам. Политику правительства он называет «корыстной», направленной на истребление индейцев и захват их земель под прикрытием лицемерных фраз о благе индейцев. Джемс бичует произвол и деспотизм скупщиков пушнины, их мошеннические проделки и наглое обирание индейцев, приводящие «к одинаково быстрому вымиранию и охотников и пушного зверя». В введении вскрываются и подлинные социальные корни распространявшейся тогда и ранее различного рода расистской клеветы на индейцев, изображавшихся кровожадными, одержимыми бесом язычниками, истребление которых будет угодно христианскому богу. Так оправдывали проповедники христианства политику геноцида и жестокого насилия в отношении индейцев. Хотя Пушкин и не упоминает фамилию Джемса в своей рецензии на книгу Теннера, это введение не могло не произвести глубокого впечатления на поэта. Несомненно, именно сообщенные Джемсом факты вызвали гневные обвинения Пушкина в адрес правящих кругов США.

Прошло почти 130 лет с тех пор, как были написаны негодующие строки Пушкина и Джемса, заклеившие американскую «демократию» и американских расистов. Но, к сожалению, и в наши дни ничего не изменилось в отношении белых американцев к их «цветным братьям». Не решена и не может быть решена в капиталистическом обществе ни одна из проблем приобщения отсталых племен к жизни в цивилизованном обществе. Современные расисты продолжают клеветать на негров и индейцев, проживающих на территории США, как клеветали они на «краснокожих дикарей» и чернокожих рабов в дни Теннера.

Весьма характерно в этом отношении, что введение Джемса не было напечатано в новом издании записок Теннера, вышедшем в США в 1940 г. Нельзя не согласиться с этнографом ГДР Евой Липс, которая в своем послесловии к опубликованному ею в 1953 г. новому немецкому переводу книги Теннера пишет: «Публикация книги с комментарием д-ра Джемса в 1830 г. и упущение этого важного введения в 1940 г., по существу, свидетельствует о том, что ко

---

⁷ Эдвин Джемс, врач по образованию, был участником экспедиции, предпринятой в 1819—1820 гг. в Скалистые горы, и автором двухтомного описания этой экспедиции. См. Edwin James, Account of an expedition from Pittsburgh to the Rocky Mountains, performed in the years of 1819 and 20, by order of the Hon. J.C. Calhoun, Secretary of war: under command of Major Stephan H. Long, Philadelphia, 1823, London, 1823 (2 тома). На обратном пути из экспедиции Джемс в 1820 г. познакомился с Теннером в Кейп-Джирардо, куда тот попал на пути к своим родным.

времени выхода в свет нового издания мемуаров возникла новая Америка, которая в отношении хваленной „свободы слова“ сделала значительный шаг назад»⁸.

Итак, рассказ Теннера не утратил даже своей политической злободневности, не говоря уже о том большом интересе, который он представляет как исторический и этнографический документ.

Посмотрим же, как жили те индейские племена, к которым попал Теннер в конце XVIII в., и что стало с ними в наши дни.

* * *

Джон Теннер был похищен индейцами из племени шауни и первые два года пленения прожил среди них, а затем был продан в семью индианки из племени оттава, ставшей его приемной матерью. С этой женщиной он был связан на протяжении всей своей жизни среди индейцев. Шауни и оттава говорили на близких языках алгонкинской группы, и селения их были разбросаны в районе Великих озер. Оттава населяли некогда район к северу от озера Гурон, с центром на реке Оттава, и дали название столице Канады. Во времена Теннера отдельные группы этого племени были разбросаны по берегам озера Гурон в окрестностях Маккинака. Общность языка, сходство племенных традиций и брачные связи объединяли оттава с двумя другими алгонкинскими племенами – оджибвеями и поттаватами. Высказывается даже предположение, что некогда они представляли собою одно племя.

Большую часть своей жизни среди индейцев (около 28 лет) Теннер провел, однако, среди оджибвеев, племени мужа своей приемной матери. О них то-прежде всего и идет речь в его повествовании, хотя нарисованная в нем картина тяжелой, полной лишений жизни типична для всех индейских звероловов американского таежного леса в XVIII, XIX и даже XX вв. независимо от их племенной принадлежности.

Еще в 40-х годах нашего века оджибвеи считались одним из наименее изученных племен Северной Америки. Лишь за последние два десятилетия появились исследования по истории этого народа⁹ и работы, посвященные жизни в резервациях¹⁰. Особое внимание было уделено оджибвеям сторонниками современных этнопсихологических исследований в США (Барноу, Фридл, Ландес и др.), в работах которых немало расистской клеветы на этот народ и его историю. Оджибвеев приводят в качестве якобы самого яркого примера изначального индивидуализма, эгоизма и агрессивности первобытного дикаря, психика которого будто бы патологична по своей природе. На их примере буржуазные этнографы пытаются убедить своих читателей в изначальности частной собственности, «свободного предпринимательства» и конкуренции, то есть тех основ капиталистического общества, увековечить которые хотелось бы идеологам антикоммунизма¹¹.

Измышления об оджибвейской психике современных сторонников Фрейда, пытавшегося доказывать в свое время, что отсталые народы по природе своей невротичны, в значительной мере повторяют ту расистскую клевету начала колониального периода в Америке, о которой с возмущением писал Джемс. Из рассказа Теннера читатель убедится, какие небылицы возводят на оджибвеев, приписывая им такие черты психического склада, как эгоизм, агрессивность, потребность подчиняться и т.д.

---

⁸ **John Tanner**, Dreissig Jahre unter den Indianern. Aus dem Amerikanischen übersetzt, mit Anmerkungen und einem Nachwort versehen von Dr. Eva Lips, Weimar, 1953, S. 323.

⁹ **H. Hickerson**, The Southwestern Chippewa, an ethnohistorical study, Menasha, 1962; The feast of dead among the Seventeenth century Algonkians of the Upper Great Lakes, «American Anthropologist», 1960, v. 62, № 1.

¹⁰ **B. James**, Social-psychological dimensions of Ojibwa acculturation, «American Anthropologist», 1961, v. 63, № 3.

¹¹ См. **Ю. Аверкиева**, Этнофрейдизм в США, «Советская этнография», 1962, № 4.

По рассказу Теннера можно составить впечатление о широком расселении оджибвеев в его время. Действительно, в период активной деятельности пушных компаний с середины XVII и до середины XIX в. оджибвеи вместе с другим родственным им алгонкинским племенем кри, часто упоминаемым Теннером, были двумя наиболее широко расселенными племенами полосы смешанных лесов и лесостепи в Северной Америке. Но к началу колонизации оджибвеи, небольшое племя рыболовов и охотников-собирателей, занимали еще незначительную территорию, примыкавшую к северному берегу озера Гурон и восточному берегу озера Верхнего, с центром в Со-Сент-Мари. Они находились еще на стадии общинно-родового быта. Племя состояло из нескольких родов, занимавших отдельные рыболовные и охотничьи угодья. Каждый род носил название того или иного животного, считавшегося предком этого рода, его тотемом. В самых ранних сообщениях иезуитов (1640, 1666) упоминаются оджибвейские роды Выдры, Бобра, Цапли, Кошачьего Сомика, Медведя, Орла и др.¹² Личные имена индейцев указывали на тотем его рода. Тотемистические представления сохранились у оджибвеев и во времена Теннера.

В 60-х годах XVII в. в Со-Сент-Мари была основана иезуитская миссия и торговая фактория, что вскоре привело к появлению здесь индейского поселения в котором проживало несколько объединившихся родов, получивших у французов общее название «жители порогов» (ЗайНеигз), под которым оджибвеи были известны европейцам до начала XVIII в. Около 1680 г. начинается период расселения оджибвеев из Со-Сент-Мари, вызванного исчезновением пушного зверя в этом районе из-за хищнического отстрела. Пушной промысел к этому времени становится уже одним из главных источников существования индейцев, втянутых в торговлю мехами. В поисках пушного зверя часть оджибвеев двинулась на север, восток и запад от озера Гурон. К началу XIX в. образовалось четыре значительно различавшихся по культуре подразделения оджибвеев: северное, юго-восточное, юго-западное и степное.

Теннер большую часть своей жизни среди индейцев провел на стыке территорий двух групп – оджибвеев степных и юго-западных. Последние охотились на огромной территории в полосе смешанного леса и лесостепи? протянувшейся от озера Верхнего до реки Ред-Ривер. Освоение оджибвеями этой территории, ранее принадлежавшей дакотам, началось в конце XVII в. и носило мирный характер. Основывалось оно на союзе, заключенном между дакотами и оджибвеями для совместной охоты и торговли. Но с продвижением на запад европейских скупщиков пушнины, натравливавших дакотов на оджибвеев, мирные отношения между этими племенами были нарушены (около 1736 г.). Дальнейшее продвижение оджибвеев на юг и запад от озера Верхнего сопровождалось их непрерывной борьбой с дакотами за охотничьи угодья в районах лесных озер, реки Ред-Ривер и верховий Миссисипи. Оджибвеи вторгались в охотничьи угодья дакотов и оттесняли их на юг. В книге Теннера немало описаний военных походов оджибвеев и их столкновений с дакотами. Из сообщений Теннера явствует, что оджибвеев поддерживали племена кри, ассинибойнов и манданов. Но причиной войны между индейскими племенами, разжигавшейся скупщиками, была отнюдь не «врожденная кровожадность» индейцев, как пытаются это изобразить расисты, а борьба за средства существования, которых лишали их белые колонизаторы.

Деятельность скупщиков пушнины на Американском материке и их конкурентная борьба привела, как справедливо отмечает Джемс, к разорению и обнищанию коренных жителей. Индеец мог спастись от голодной смерти, только переселившись в другое, более богатое дичью место. Но там он сталкивался с другими племенами, уже до него охотившимися на тех землях. «Свободных» земель на материке Северной Америки в то время уже не было. «Но куда бы ни уходил индеец, – пишет Джемс, – за ним шел торговец, подобно тому как волки или канюки следуют за стадом бизонов».

Скупщики пушнины разжигали вражду между племенами, которая чрезвычайно распыляла и ослабляла силы индейцев. Разумеется, индейцы понимали это и всячески стремились,

как видно и из повествования Теннера, к заключению перемирий, к установлению мирных отношений. Но колонизаторам это было невыгодно, и то одна, то другая из конкурирующих пушных компаний вновь и вновь провоцировала столкновения между индейцами.

Хотя пушной промысел был уже ведущей отраслью хозяйства оджибвеев, однако они не оставляли и своих древних занятий. Индейские женщины собирали весной сок сахарного клена, вываривали из него сахар, засевали небольшие участки кукурузой и собирали дикий рис, а мужчины ловили рыбу. Но и эти продукты нередко, как рассказывал Теннер, пропивались и попадали в руки скупщиков пушнины. Ведь даже продовольствием их в те времена обеспечивали индейцы.

В книге Теннера общественная жизнь оджибвеев рисуется еще на этапе первобытно-общинных отношений. Основной хозяйственной единицей был небольшой возглавлявшийся вожаком коллектив, сообща охотившийся в течение зимы на выбранной им территории. Коллектив этот состоял из нескольких большесемейных домохозяйств (костров). Так, Теннер рассказывает, например, что одну зиму их группа насчитывала «десять костров». Домохозяйство чаще всего состояло из сородичей жены охотника. Исключительно ценны сведения Теннера и о формах собственности у индейцев. Здесь нет еще и намека на наличие частной собственности на уголья, извечность которой пытаются приписать оджибвеям некоторые этнографы США.

Охотничьи уголья распределялись между членами группы на определенный охотничий сезон, причем каждому домохозяйству отводился отдельный участок для промысла пушного зверя. Теннер сообщает, например, что, когда его семья присоединилась к охотничьей группе, состоявшей из оджибвеев и оттава, для охоты у Портидж-ла-Прейри на реке Ассинибойн, они оставили свои лодки и отправились в глубь страны для промысла бобров у маленьких речек. «Брату Ва-ме-гон-э-бью и мне индейцы отвели небольшой ручей, где водилось много бобров, и здесь, кроме нас, никто не мог промыслить». На бизонов, лосей и медведей разрешалось охотиться на любом участке в пределах кочевья данной группы, и мясо убитого зверя обычно делилось между всеми членами охотничьего коллектива. В индейской палатке мог поселиться любой пришелец и промыслить зверя вместе с охотниками из этой палатки, а если он был немощен, его кормили и одевали, как и других членов домохозяйства. Хотя в путном промысле преобладает индивидуальный труд, однако шкурки считались собственностью всего домохозяйства, а мясо потреблялось сообща, нередко несколькими домохозяйствами.

Но у Теннера мы находим также многочисленные описания коллективной охоты и коллективного распределения охотничьей добычи. Только взаимная поддержка помогала индейцам выжить. Закон гостеприимства считался у них еще обязательным. Если одна группа охотников голодала, а другая была обеспечена пищей, то первая присоединялась ко второй и запасы делились между всеми. Теннер с осуждением говорит, как об отступниках, о тех группах индейцев, которые, живя возле белых, были уже настолько заражены духом торгашества, что не хотели даром кормить голодающих соплеменников. Но такие отступники были еще исключением: обычай помогать друг другу в беде широко бытовал среди оджибвеев и их соседей во времена Теннера, и в его книге мы находим множество тому примеров. Все это, бесспорно, опровергает теорию изначального индивидуализма оджибвеев.

Описания Теннером ежегодных весенних переездов охотничьих коллективов в постоянные селения, где нередко на зиму оставляли детей и стариков, опровергают антиисторические концепции извечно кочевого быта индейских охотничьих племен. Вблизи таких селений находились участки для сбора кленового сока, рыболовные уголья, кукурузные поля, распределенные между домохозяйствами охотничьих коллективов. Во времена Теннера индейцы еще в основном сами изготавливали свою одежду из шкур и замши, но уже тогда входили в употребление фабричные ткани и одеяла.

Позднее, к концу XIX в., они совсем вытеснили кожаную одежду. Теннер упоминает, например, о ноговицах из ткани и чаще об одеялах (кусках ткани), которые использовались

также как денежная единица. Интересны сообщения Теннера о том, как снабжали индейцы всем необходимым своих не имевших одежды собратьев. И в этом еще проявлялись принципы коллективизма, характерного для общества на стадии первобытнообщинного строя.

Жизнь Теннера среди оджибвеев окончилась в 1820 г. Как видно из рассказа, мысль о возвращении к белым родичам никогда не покидала Теннера, хотя и страшила его. И только в 1817 г. он принимает окончательное решение вернуться в родные места. Решение это было вызвано событиями второго десятилетия XIX в. К тому времени волна капиталистической колонизации начинала достигать далекого запада Северной Америки, дотоле считавшегося страной «диких» индейцев. Туда белые колонизаторы оттесняли одно индейское племя за другим, очищая индейские земли на востоке страны для капиталистического их освоения.

Все больше жадных до земли колонистов начало поселяться в районах реки Ред-Ривер и верховий Миссисипи. Границы охотничьих угодий индейцев сжимались, обострялась борьба за уголья между племенами. Жизнь индейцев непрерывно ухудшалась. Исчезала дичь, охота становилась все менее производительной, голодная смерть превратилась в обычное явление. Прибывавшие в страну белые искатели легкой наживы и «свободных» земель видели в индейцах лишь помеху своему благополучию и жестоко расправлялись с ними, следуя правилу «хорош только мертвый индеец». Все способы считались пригодными для истребления «этой отвратительной расы», как откровенно и бесстыдно называли индейцев «богобоязненные» и «человеколюбивые» американские «цивилизаторы». Уже тогда в отношении индейцев было использовано своеобразное бактериологическое оружие. По указанию генерала Амхерста индейцев снабжали одеялами и одеждой умерших от оспы людей. В книге Теннера описывается случай такого рода геноцида, заражения оспой целой группы индейцев из-за купленной ими у белых рубашки. Эпидемии оспы в середине XIX в., шедшие впереди американских войск и переселенцев, тысячами косили индейцев, почти наполовину сократив численность многих племен.

Методы насилия, грабежа и обмана аборигенов, на которых утверждалось буржуазное общество США, естественно, вызывало ненависть к белым, к этой расе «длинных ножей» – смертельных врагов индейцев. В этих условиях жизнь Теннера среди индейцев становилась все сложнее. Ему все чаще стали напоминать о том, что он «белый», чужак, пришедший из мира врагов индейцев. Теннеру грозили смертью за преступления белых.

В повествовании Теннера о последних годах его жизни среди индейцев довольно отчетливо прослеживаются и тяготы его существования в этот период и отчуждение от людей усыновившей его расы. Наконец осуществляется его мечта, он возвращается в «Штаты». Но США оказались не только негостеприимной, но даже враждебной Теннеру страной. Среди белых, даже среди своих родных, Теннер почувствовал себя еще большим чужаком. Не трудно представить себе, как тяжело было приспособиться к условиям капиталистического общества XIX в., воспитанному в духе коллективизма и взаимопомощи. Теннеру такая попытка не удалась, и, прожив среди белых более 20 лет, он так и не стал настоящим «белым». Теннер не мог смириться с нормами капиталистического общества, которое, по словам Маркса, не оставило «между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“¹³. О том, что Теннеру пришлось жить именно среди таких людей, говорят следующие слова Джемса: «Достойно сожаления, – писал он, – что, находясь среди нас, Теннер постоянно сталкивается с людьми, которые настолько утратили чувство элементарной честности, что сознательно используют его незнание обычаев цивилизованного общества в корыстных целях».

Если среди индейцев у Теннера были враги, считавшие его белым, то в обществе янки он слыл за «настоящего индейца» и соответственно испытывал на себе всю глубину презрения и ненависти белых к «краснокожим». От Теннера отказались даже его родные, и он поселился сначала ненадолго в Маккинаке, а затем в Со-Сент-Мари. В то время это были два из многих

---

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 4, стр. 426.

опорных пограничных пунктов американской колонизации материка и покорения индейцев. Главную роль в такого рода поселках играли правительственные агенты по делам индейцев. Их целью был «мирный» захват индейских земель путем заключения с отдельными племенами так называемых «договоров». До 1871 г. правительство США наряду с открытым насилием широко применяло практику заключения «договоров» с отдельными племенами и группами индейцев. Согласно этим договорам, справедливо названным в предисловии Джемса издевательскими, индейские земли переходили в распоряжение правительства США.

Свыше 4 тысяч такого рода «договоров» заключило правительство США, что позволило ему захватить большую часть материка. Индейцев же «обезвреживали», поселяя их в своеобразные концентрационные лагеря, так называемые резервации, где жизнь их находилась под строгим контролем сначала армейских частей, а затем правительственных агентов и суперинтендантов. Со временем эти резервации превратились в своеобразные индейские гетто и сохранились в США до наших дней. Они, по словам одного из американских ученых, «очень похожи на заповедники для зверей на общественных землях»¹⁴

Во второй половине XIX в. индейцы были объявлены неполноценной «зависимой нацией», состоящей под опекой государства. Однако правительственная «опека» содействовала лишь дальнейшему ограблению индейцев, узаконивая их расовую дискриминацию. Она привела к тому, что отведенные индейцам резервационные земли и таящиеся в них естественные богатства, эксплуатируются в настоящее время белыми дельцами, которые всячески стремятся завладеть такими лакомыми кусочками. Этому всячески содействует правительство США, разбазаривая за бесценок земли индейцев. Правительственная «опека» привела индейцев к разорению и нищете; она держит их в экономическом и социальном рабстве и невежестве. Уже один тот факт, что около 85% индейского населения США в середине XX в. неграмотно, служит яркой тому иллюстрацией.

В течение 30 лет после возвращения Теннера в мир «белых» были таким же образом экспроприированы и земли оджибвеев. Отведенные им резервации разбросаны сейчас в виде маленьких поселков вдоль границы между США и Канадой. Резервации положили конец охотничьему быту оджибвеев и их развитию как своеобразной этнической группы. Для них, как и для других индейских племен, с этого начался период болезненной ломки старого жизненного уклада и вымирания от недоедания, болезней, антисанитарных условий в резервациях, период приспособления к жизни в капиталистическом обществе осколков некогда многочисленного племени на положении угнетаемого и дискредитируемого «подопечного» национального меньшинства, во всем подчиненного власти агентов по делам индейцев, этих непосредственных проводников колонизаторской политики США.

Для ведения дел и переговоров с индейцами правительственные агенты пользовались услугами переводчиков, чаще всего из метисного населения. В качестве такого переводчика был использован и Джон Теннер по его возвращении в Штаты. Однако его служба на этой должности была непродолжительной. Уход Теннера с работы, видимо, можно объяснить так: поняв нечестные приемы агентов в отношении индейцев, он не захотел быть пособником в ограблении и обмане людей, некогда его усыновивших.

Теннер не захотел больше работать на белых, быть объектом их обмана и эксплуатации. Все белые казались ему врагами. И он замкнулся в себе, обособился от окружающих. Почти два десятка лет прожил Теннер чуждым окружавшему его обществу изгоем, «белым индейцем», которого презирали и боялись, приписывая ему все бедствия, постигавшие селение.

Последние годы своей жизни Теннер провел в жалкой лачуге на далекой окраине Со-Сент-Мари, в полном одиночестве и невероятной нищете.

---

¹⁴ С. Embry, America's concentration camps: the facts about our Indian reservations, New York, 1956, p. 137.

Бедствия, испытанные им среди индейцев, меркли в сравнении с той глубиной деградации, которая постигла его в «цивилизованном» мире. Недаром один из его современников, имея в виду этот период жизни Теннера, сказал, что «последние дни были худшими днями в его жизни».

В 1846 г. старый Теннер был убит и сожжен вместе с его хижинкой¹⁵ одним из тех людей, о которых Джемс писал, что они «утратили чувство элементарной честности». Трагичность судьбы Теннера заключалась в том, что он оказался где-то между двумя мирами. Он ушел от индейцев, но, живя среди белых, оставался индейцем по своему мировоззрению.

Как явствует из рассказа Теннера, его дети остались с индейцами, и потомков его можно найти в резервациях. Водной из индейских резерваций на севере штата Миннесоты в 1947 г. ученые ГДР Ева и Юлиус Липс познакомились с Эдуардом Теннером, потомком того сына Джона Теннера, который предпочел остаться с индейцами. Эдуард Теннер живет собиранием дикого риса. Он ничего не знает о Джоне Теннере и, как пишет Ева Липе, смеется над тем, что его предок оказался столь безрассудным, «чтобы написать для белых книгу». По этому замечанию потомка Теннера можно судить о вековой ненависти индейцев к своим угнетателям.

Да и чем иным, кроме безрассудства, могла показаться Эдуарду Теннеру попытка его предка апеллировать к белым? Разве не белые генералы, торговцы и священники обрекли на рабство, расовую дискриминацию, невежество, вымирание от нищеты и болезней все индейские племена на территории той страны, правящие круги которой похваляются самым высоким уровнем жизни своих граждан.

Разве не белые властители терроризируют негров на Юге США, шантажом и насилием не допуская их к избирательным урнам, когда они сплываются, чтобы противостоять Ку-клукс-клану и другим силам реакции и расизма? Разве не они загнали негров в гетто, которыми «украсили» все свои современные благоустроенные города – и Нью-Йорк, и Чикаго, и Лос-Анжелес? Разве не они заставляют своих «черных братьев» выполнять самую тяжелую и грязную работу и платят им половину того, что получает белый рабочий? Разве не по их милости в XX в. негры-арендаторы на Юге влачат жалкое, голодное и рабское существование, трудясь на не принадлежащих им жалких клочках земли, доход с которых позволяет им только не умереть с голода, да и то не всегда! Разве не они придумали гнусные законы, унижающие человеческое достоинство индейцев и негров, и не замечая геноцида у себя дома, закрывая глаза на расизм и социальное неравенство, смеют выступать в роли «гуманных освободителей» народов, сбросивших иго империализма!

И в наши дни, как в далекие времена Джона Теннера, расизм продолжает процветать в «свободном американском мире», поощряемый теми, кто задумал превратить в свою колонию весь земной шар. Недавние изуверства распоясавшихся расистов в Алабаме, где против негров-демонстрантов, осмелившихся требовать свободы и равных прав с белыми, была брошена вся изощренная техника американской полиции, где не стеснясь стреляли в детей и взрослых, травил школьников собаками, бросали тысячи людей в тюрьмы, еще раз показали истинное лицо американской демократии. Один день в Бирмингеме свел на нет годы лживого восхваления «прелестей» американского образа жизни, И негры и прогрессивные белые американцы с полным основанием потребовали от правителей США, претендующих на роль наставников всего человечества, установить порядок и справедливость в собственной стране, прежде чем поучать другие народы.

Да, недоумение Эдварда Теннера по поводу наивности его далекого предка нам понятно. Но мы все же признательны Джону Теннеру и Эдвину Джемсу, благодаря которым до нас дошел историко-этнографический источник первостепенной важности – рассказ о быте индейских охотников конца XVIII – начала XIX в., записанный не со слов постороннего наблюдателя, а

---

¹⁵ Walter O'Meara, *The Last Portage*, Boston, 1962.

со слов человека, который сам жил жизнью индейцев. Рассказ Теннера достоверно освещает определенный период в жизни индейского народа, открывая еще одну мрачную страницу истории колонизации Северной Америки. По этой книге можно судить о широте географических познаний индейцев, открывших Американский материк, позднее заселенный белыми. Это они проложили пути через весь континент, через его леса и горы, по которым шли прославлявшиеся как первооткрыватели европейские путешественники.

При переводе книги Теннера на русский язык большую помощь редакции оказала проф. Ева Липс, приславшая фотокопию редкого английского оригинала книги Теннера. Редакция воспользовалась также картами Евы Липс, составленными ею для немецкого перевода. Примечания от редакции тоже частично заимствованы из издания Джемса и немецкого перевода проф. Липс.

Ю.П. Аверкиева

ДЖОН ТЕННЕР после возвращения в цивилизованный мир в 1830 г.

Введение д-ра Эдвина Джемса к жизнеописанию Теннера

Джону Теннеру, о жизни и приключениях которого рассказывается в этой книге, теперь около 50 лет. Он крепкого телосложения, держится прямо. В нем чувствуется большая физическая сила, выносливость, энергия, но перенесенные тяжелые испытания и лишения не прошли для него бесследно. Некогда привлекательные черты лица носят отпечаток раздумья, страстей, приближающейся старости. Живой, пронизательный взгляд голубых глаз выдает суровый, непреклонный и пылкий характер, заставлявший трепетать от страха многих индейцев, когда Теннер жил среди них. Покорность и уступчивость, которые он вынужден теперь проявлять, находясь в зависимом положении среди белых людей, претят его характеру.

Воспитанный с детских лет в принципах и правилах, составляющих основу морального кодекса чуждых лицемерию и неиспорченных индейцев, Теннер своими представлениями о том, что плохо и что хорошо, что честно и что нечестно, конечно, резко отличается от белых. В обществе индейцев, признающих право на личную месть чуть ли не единственным средством защиты личной собственности и единственным барьером, разделяющим людей, Теннер чувствовал себя одиноким, лишенным настоящей дружбы. В этих условиях его сознание, естественно, не могло формироваться в духе той терпеливой, кроткой покорности, которая культивируется в цивилизованном обществе, где строгий закон охраняет многие права человека. Поэтому тонкое чувство справедливости уживается в Теннере с неутолимой, неистовой жадой мести, столь характерной для индейского образа мыслей. Обстоятельства, заставившие Теннера жить среди людей диких, не знающих законов, принудили его рассматривать себя судьей в любом споре и прежде всего судьей своих поступков. И если, оказавшись недавно в более организованном обществе, он в случаях тяжелого оскорбления или невыносимого угнетения считает себя вправе требовать удовлетворения или прибегать к самозащите, пользуясь привычными способами, его поведение не должно нас удивлять: такой образ действия, вошедший у него в привычку под влиянием установившихся обычаев, кажется ему единственно правильным и честным, Теннер вернулся в цивилизованный мир слишком зрелым, чтобы у него выработались навыки, более соответствующие новым условиям. Достоин сожаления, что, находясь среди нас, Теннер постоянно сталкивается с людьми, которые настолько утратили чувство элементарной честности, что сознательно используют его незнание обычаев цивилизованного общества в корыстных целях. Сам он всегда поступает справедливо и великодушно, если только несправедливость или оскорбление не пробудят в нем ненависти и жажды мести. Благодарность он проявляет так же неукоснительно и пылко, как и ненависть.

На этом мы закончим описание свойств характера Теннера, ибо его собственные рассказы о мире индейцев и пережитых там приключениях отражают их как нельзя лучше.

К повести о жизни Теннера, пожалуй, подошел бы ставший уже избитым эпитаф:

«... quaeque ipse miserrima vidi
Et quorum pars magna fui»¹⁶

Вышеприведенные замечания, возможно, были бы упущены, если бы в месте последнего пребывания нашего рассказчика он не подвергся столь тяжким обвинениям. Проявившиеся там различия во мнениях объясняются, как мне кажется, только своеобразием индейского образа мыслей, неизгладимо запечатлевшегося в уме Теннера. Однако независимо от

---

¹⁶ «... и что я сам видел ужасного и частью чего я был». (Первые строки из второй книги «Энеиды» Вергилия.) – Прим. ред.

того неодобрения или недовольства, которые при известных обстоятельствах возбуждает у нас такой образ мыслей, нужно всегда относиться снисходительно к одинокому дикарю, вырванному из привычной обстановки и оказавшемуся в обществе цивилизованных людей с их манерным поведением и сложными общественными установлениями.

Стремлением помочь этому несчастному человеку найти общий язык со своими соотечественниками и продиктовано решение передать историю жизни Теннера по возможности его собственными словами. Сам рассказчик отнюдь не лишен того своеобразного красноречия, которое свойственно индейцам. Но так как это красноречие проявляется скорее в жестах, интонациях и мимике, чем в словах и фразах, то стиль повествования Теннера самый безыскусный. Хотя эта простота, вероятно, не понравится поверхностному читателю, надо надеяться, что человек с пытливым философским складом ума, несомненно, заинтересуется возможностью изучить примитивную логику человека, долго испытывавшего на себе влияние типичных условий первобытной жизни. Следует особенно подчеркнуть, что вся история передана так, как она была рассказана, то есть она создавалась без наводящих вопросов, подсказываний, указаний. Единственная просьба, с которой обращались к рассказчику, это ничего не утаивать. Все замечания, касающиеся характера или поведения людей в стране индейцев или в пограничных районах, а также наблюдения над условиями жизни индейцев принадлежат исключительно Теннеру. При этом допущена лишь одна вольность: сокращены или совсем опущены некоторые подробности охотничьих приключений, воспоминаний о походах и других событиях, не имеющих существенного значения в жизни индейцев, но на которых за отсутствием другой духовной пищи они очень любят подробно останавливаться во время своих долгих бесед. Возможно, некоторым читателям рассказ показался бы еще занимательнее, если бы таких сокращений было больше. Но надо помнить о том, что жизнь дикарей, как и жизнь цивилизованных людей, складывается из ряда мелких событий; каждое из них в отдельности незначительно, но, чтобы получить полное представление о той или другой жизни, их нельзя отбрасывать.

Читатель, не знакомый с историей индейских племен и условиями их существования, может усомниться в правдивости отдельных описаний Теннера. Некоторые, вероятно, потеряют доверие к автору, прочитав о пророческих снах, о сбывшихся предчувствиях и предсказаниях, о вмешательстве в дела людей невидимых духов. Одним читателям Теннер покажется смешным и доверчивым, другим, напротив, неискусным лжецом. Но так же будет выглядеть любой из нас, если он всерьез начнет говорить о вещах, которые благодаря повышению образовательного и культурного уровня давно считаются «бабыми сказками». Для пояснения этого положения нет необходимости ссылаться на Коттона Мазера или на других его современников, не менее прославленных за их ученость, чем за их примерную набожность. История развития человеческого разума во все века и у всех народов изобилует примерами легковерия, весьма схожего с тем, которое мы склонны высмеивать или по поводу которого мы сокрушаемся, когда обнаруживаем его у дикарей. Но чтобы понять образ мыслей индейца, не надо забывать о том, что природный критический ум нашего рассказчика постоянно находился под влиянием веры в вездесущую силу провидения, которое часто вмешивается в судьбы людей. Теизм Теннера был, вероятно, чище и непоколебимее, чем у его непросвещенных товарищей, но его верования во многом совпадали с индейскими. Так, например, Теннер реже, чем другие, становился жертвой обмана постоянно появляющихся среди индейцев иступленных пророков; и все же, не доверяя полностью своему внутреннему чутью, он не всегда осмеливался относиться с презрением к их трюкам и высмеивать их предсказания.

Индейцы, как и все другие люди в минуты тяжелых лишений или непосредственно нависшей над ними грозной опасности, вызывают к помощи высших существ и часто верят в то, что они милостиво снизойдут к их мольбам. Такие верования не должны удивлять набожных людей и не покажутся странными тем, кто изучает восприятие человеческим интеллектом различных превратностей жизни. Ведь не считаем же мы чем-то противоречащим истинной религии или

здравому смыслу предположение, что единый для всех бог проявляет одинаковое милосердие ко всем, кто ему искренне поклоняется. Очевидно также, что свойственные человеку религиозные чувства превращаются в инструмент, при помощи которого сильные умы воздействуют на более слабые.

У индейцев, точно так же как и у других народов, со времен вождей-философов, руководивших Исходом Десяти тысяч¹⁷, и до наших дней религия служит орудием в руках меньшинства, которое в силу своего умственного или случайного превосходства присвоило право управлять большинством.

Многие особенности рассказа Теннера, несомненно, объясняются своеобразием его мышления или превратностями его судьбы; но даже если мы сделаем на это допустимую скидку, перед нами откроется весьма мрачная картина жизни нецивилизованного человечества.

Не было бы ничего удивительного в том, если бы, получив определенное представление о нашем крайне неодобрительном отношении к некоторым вещам, Теннер проявил известную сдержанность при передаче подробностей своих приключений среди людей, чьи взгляды во многих отношениях так резко расходятся с нашими. Он откровенно рассказал о некоторых мелочах, которые, с нашей точки зрения, заслуживают сурового наказания. Не исключено, что самые неприглядные проступки рассказчик скрыл. Но нельзя забывать, что действия, которые мы считаем неприглядными, более того, уголовными преступлениями, рассматриваются индейцами как проявление высокой добродетели. Ни в одном месте своего рассказа Теннер не предстает перед нами в более невыгодном свете, чем там, где он со всеми подробностями сообщает о своей жестокости по отношению к несчастной пленной девочке, из-за чьей неосторожности в середине зимы сгорела его палатка и все скромное имущество. Подобная жестокость, как и широко распространенный среди чайпеваев и других северных индейцев, а также в меньшей степени у иных племен обычай бросать на произвол судьбы больных, стариков и умирающих, напоминает нам, что мы многим обязаны цивилизации, даже когда она проявляется в как бы подсознательной и естественной учтивости. Однако поведение индейцев во всех таких случаях отнюдь не противоестественно – они просто подчиняются сильному, хотя и неосознанному инстинкту, неуклонно побуждающему их к самосохранению. Как великолепно работает тот сложный механизм, который так часто позволяет преодолевать или контролировать слепой инстинкт, принося интересы, счастье и жизнь отдельного индивидуума в жертву интересам всего общества в целом!

Описания Теннером ужасов и трудностей жизни диких людей, видимо, свободны от преувеличений или искажений. Едва ли найдется человек, который, прочитав эту книгу, не проникнется состраданием к столь обездоленной, униженной и попавшей в безысходное положение расе. Хочется верить, что рассказ Теннера привлечет внимание просвещенных и доброжелательных кругов общественности к нуждам тех, кто еще «пребывает в темноте». Тщетно пытаемся мы обмануть себя и других, утверждая, будто во всем, что «связано с моралью и перспективами на будущее, индейцы только выиграли от общения с белыми»¹⁸. Кто, например, всерьез поверит, будто продажа индейцам алкогольных напитков «не увеличила перечня их преступлений и не вычеркнула ни одну из их добродетелей»? Немногим из нас представляется возможность, да и мало у кого возникает желание посетить индейцев в обитаемых ими отдаленных уголках или хотя бы в пограничных поселениях. Но все, кому удалось там побывать, убеждались, что где бы и в каких бы целях индейцы ни соприкасались с белыми, от этих контактов крайне тяжело и непоправимо страдали моральные устои аборигенов. Каждый непредубежденный человек, который захочет ознакомиться с многочисленными опубли-

---

¹⁷ Имеется в виду эпизод, описываемый в Ветхом завете о выводе Моисеем иудеев из Египта. – *Прим. ред.*

¹⁸ См. «North American Review», № 60, p. 101.

кованными для сведения широкой публики сообщениями, убедится в том, что, несмотря на все доброжелательные попытки отдельных лиц или благотворительных обществ и правительственных учреждений, отношения между двумя расами за последние 200 лет всегда приводили к угнетению и разорению индейцев.

Одной из главных причин этого очевидного и прискорбного изменения в положении индейцев следует признать скупку у них пушнины, которая началась с самого раннего периода колонизации. Рассказ Теннера проливает некоторый свет на приемы, характерные для той торговли, которая некогда велась на северо-западе Америки, а теперь практикуется и на территории, принадлежащей США. Хотя Теннер не является ни государственным деятелем, ни политэкономом, все же его высказывания можно рассматривать как правдивое суждение о том влиянии, которое оказывает торговля с белыми на аборигенов. Индейцы, обитающие на обширной территории, где действовала пушная «Компания Гудзонова залива», лишь совсем недавно благодаря слиянию двух конкурировавших фирм были избавлены от бед, связанных с их конкурентной борьбой. Но заодно они лишились и некоторых выгод. Среди других преимуществ, которые ожидаются от окончания конкурентной борьбы, самое главное – это прекращение продажи индейцам спиртных напитков. Служащим и разъездным агентам факторий, расположенных в самых отдаленных глубинных районах, строго запрещено продавать индейцам даже небольшое количество водки или вина. Этот запрет принес несравненно больше пользы, чем все меры, принимавшиеся в более отдаленные и недавние времена как правительством, так и благотворительными обществами. Он продиктован трезвой предусмотрительностью и стремлением к получению барышей. Скупщики пушнины хорошо знают, как влияет виски на индейцев, и указывают на возможность пресечения этого зла.

В старое время, когда весь северо-запад Американского континента был аренной ожесточенной конкурентной борьбы между враждовавшими скупщиками пушнины, все преимущества и недостатки той системы, которая по сей день существует в США, ощущались в самых отдаленных и труднодоступных уголках этих глухих районов. Индеец, вероятно, всегда мог получить за свои меха более высокую цену, чем в настоящее время. Он всегда имел также возможность отравлять себя и свою семью по более или менее сходной цене. То, что индеец добывал на охоте, он распределял и продавал с таким расчетом, чтобы получить как можно больше смертоносного зелья. Вот почему во время ожесточенной конкурентной борьбы между торговыми компаниями было обнаружено, что она приводит к одинаково быстрому вымиранию и охотников и пушного зверя.

Зависимость между торговой конкуренцией и запасами пушнины, ради которой скупщики посещали эти отдаленные районы, стала особенно бросаться в глаза, как это всегда бывает в районах, слишком удаленных для того, чтобы на них распространялась юрисдикция правительства цивилизованного государства. Да и как могли отдельные лица или даже группа людей ограничивать бессмысленное истребление зверей, а тем более прекратить его, в условиях хищнического, нерегулируемого отстрела животных кочующими индейцами. Кроме того, всегда нашелся бы скупщик, который, стремясь к наживе, свел бы на нет любое разумное мероприятие по ограничению охоты. Так случилось, что районы, изобиловавшие дичью, за несколько лет были полностью истощены, а их население могло спастись от голодной смерти, только перебравшись в другие, менее опустошенные области. Но куда бы ни уходил индеец, за ним шел торговец, подобно тому как волки и канюки постоянно следуют за стадом бизонов.

В настоящее время дело изображается так, будто переходы индейцев из одного охотничьего угодья в другое полностью контролируются скупщиками пушнины. Самые доходные районы территории, находящейся в ведении «Компании Гудзонова залива», расположены в лесах. С индейцами прерий, живущими почти исключительно охотой на бизонов, скупщики этой компании вступают в сношения только в редких случаях: при посещении охотниками факторий, где белые скупают у них за наличные деньги различную пушнину. У жителей прерий почти нет

другого имущества, кроме лошадей, луков, стрел и одежды из шкур. Эти индейцы настолько независимы, а добываемая ими дичь имеет в глазах скупщиков такую незначительную ценность, что компании обычно не мешают им заниматься чем они хотят, но никогда не выдают им кредитов. Иначе обстоит дело с индейцами, обитающими в лесах. Эти индейцы остро ощущают потребность в боеприпасах, ружьях, капканах, топорах, шерстяных одеялах и других изделиях, ввозимых торговцами извне; если лишить их всех товаров, пользоваться которыми они давно привыкли, то с наступлением зимы охотники попадут в безвыходное положение. Даже в период конкурентной борьбы пушных компаний, а в еще большей степени в настоящее время индейцы так хорошо осознали свою зависимость от скупщиков, что всегда честно и в срок расплачиваются за отпущенный им кредит. Купцы теперь выработали своеобразную тактику: как только запасы дичи на какой-нибудь территории начинают истощаться, они просто оттуда уезжают и основывают факторию в другом районе; индейцам ничего не остается, как следовать за ними. Через несколько лет в таких обезлюдивших районах количество пушных зверей почти восстанавливается. Этому способствуют также и два других запрета. Служащим и агентам торговых компаний не разрешается покупать шкурки некоторых животных, убитых до того, как они достигли определенных размеров; запрещается также применять капканы, в которые могут попадаться как взрослые животные, так и молодняк.

Такие строгие законы, которые монопольная торговая компания в своих же интересах будет насаждать и поддерживать, несомненно, должны несколько улучшить нравы северных охотников. Но смогут ли эти преимущества компенсировать связанное с ними жестокое вымогательство мехов у индейцев, покажет будущее. Совершенно ясно, что все меры, принятые и осуществляемые правительством для поддержания пушной торговли, направлены на то, чтобы индейцы оставались по-прежнему искусными охотниками. Вот почему они в конечном счете противостоят попыткам приблизить индейцев к нашей цивилизации, прививая им навыки оседлой жизни, привязанность к земле и любовь к ремеслу. Правда, климат и почвы на большей части территорий к северу от Великих озер едва ли пригодны для иных поселенцев, кроме закаленного охотничьего народа, а ему, видимо, не приходится рассчитывать на более мягкое управление, чем тот деспотизм, который насаждают торговые компании.

Но в пределах США много нецивилизованных племен рассеяно не только по бескрайним лесам, но и по приветливым плодородным равнинам, где можно с успехом насаждать ремесло и цивилизацию.

Здесь у торговых компаний мало шансов превратиться в охраняемые законом привилегированные монополии. Но и в таком виде, в каком они все еще существуют и будут существовать, эти компании представляются неисчерпаемым источником бедствий для индейцев. Вот почему позволительно надеяться, что в будущем остаткам индейских племен удастся вырваться из оков пушной торговли, став независимыми от нее как от единственного источника средств к существованию.

Отношения между вторгшимися на американскую землю европейцами и их соседями-варварами за истекшие два столетия заметно изменились. Они как бы поменялись местами. Те, кто сейчас стал всесильным, были некогда совсем слабыми. Те, кто теперь предлагает свое покровительство, раньше дрожали от страха перед превосходящей их по силе расой, которая так скоро начала гибнуть под натиском пришельцев. В ранние периоды истории колонизации ни религиозный пыл миссионеров, стремившихся обратить индейцев в другую веру, ни более разумное проявление истинного человеколюбия не могли преодолеть сильной ненависти к дикой расе. Ненависть эта объяснялась слабостью и зависимым положением колоний, а также нуждой, заставлявшей наших предков вторгаться в законные владения индейцев. В трудах наших первых историков, особенно пуританских проповедников из Новой Англии, индейцы обычно изображались как жестокая, одержимая бесом раса, их называли дикими зверями, кровавыми собаками, дьяволами-язычниками; ни один эпитет не считался слишком

оскорбительным, ни одно проклятие не было слишком чудовищным, когда ими осыпали индейцев¹⁹. Вероятно, по мере того как индейцы теряли былое устрашающее могущество, ненависть к ним белых начала притупляться. Постепенно проявление дружелюбия и сострадания к этой расе, родившейся под несчастной звездой, стало даже считаться признаком хорошего тона. И действительно, были сделаны некоторые усилия (больше, конечно, на словах!) приблизить их к цивилизации и обратить в истинную веру. Изредка среди наших государственных деятелей появлялся человек типа Пенна или среди духовных лиц – типа Эллиота или Брэнера. Некоторыми из них руководили бескорыстная доброжелательность и любовь к естественной справедливости, когда они упорно и самоотверженно стремились облегчить положение индейцев и принести им пользу. Если наивно верить всем утверждениям многих наших современников, говорящих и пишущих на эту тему, то в отношении к нашим индейским соседям мы руководствуемся лишь горячим желанием делать все что только возможно в их интересах. Но если подлинные чувства широких кругов проверить более надежным эталоном – государственными мероприятиями, – то придется признать, что и современное поколение с не меньшим рвением и упорством, чем наши предки, способствует полному истреблению этих «кроважидных язычников-ханаанейн». Откровенно говоря, как в прошлом, так и теперь весьма удобно считать индейцев одержимой бесом расой, которой неисповедимыми путями провидения было предначертано внезапное и полное уничтожение. Такой взгляд хорошо согласуется с удобной догмой философов-моралистов, согласно которой тот, кто лучше других умеет пользоваться землей, должен согнать с нее и лишить собственности владельцев, которые из-за невежества или лени оставили ее необработанной. Едва ли здесь нужно доказывать несправедливость такой точки зрения. Как видно, закон *vis major* [высшей силы. – *Ред.*] одинаково обязателен для обеих сторон; поэтому в настоящее время мы не можем прекратить вытеснение индейцев, так же как индейцы не в силах препятствовать такому вытеснению. Улучшение положения индейцев, эта столь длительно обсуждавшаяся тема, ставит перед нами теперь два чрезвычайно важных вопроса: 1) сможем ли мы добиться своим вмешательством каких-либо результатов; 2) есть ли у нас, как у народа в целом, намерение предотвратить гибель индейцев.

Каждый, кто знаком с политикой правительства, проводившейся в процессе нашего общения с индейцами, должен без колебаний ответить отрицательно на второй вопрос. О наших истинных намерениях яснее, чем целые тома праздных и пустых заверений, говорят наши действия: народ и его представители в правительстве решили отобрать у индейцев все земли восточнее Миссисипи, а остатки этих племен изгнать в районы, уже сейчас до крайности перенаселенные ввиду тех способов добывания средств к существованию, которые практикуют индейцы. Издевательские договоры, из которых легко понять, что за словами *переговоры* и *взаимность* скрывается предоставление всех преимуществ только одной стороне, робкие и неуклюжие усилия, предпринимающиеся для обучения индейцев и приобщения их к цивилизации, не должны и не могут ввести нас в заблуждение, будто мы питаем какое-то уважение к их пра-

---

¹⁹ «Маленькие королевства и прославленные люди среди индейцев были мощным препятствием для успеха проповеднической деятельности м-ра Эллиота; и следует отметить, что многие из тех народов, которые в ту пору отказались от принятия евангелия, охотно последовали за людьми, одержимыми бесом, и начали несправедливую и кровавую войну против англичан, закончившуюся скорым и полным искоренением язычников, стертых с лица земли Господней. Это особенно заметно на примере Филипа, главного вождя самой бедственной войны из всех, какие когда-либо велись против нас. Наш Эллиот предложил вечное спасение этому царю, но чудовище отвергло его с гневом и презрением. По привычке индейцев изъясняться не только словами, но и знаками, он оторвал пуговицу от сюртука distinguished человека и сказал, что священное писание означает для него не больше, чем эта пуговица. Весь мир вскоре узнал, какое ужасное наказание незамедлительно постигнет этого царя и весь его народ. Рука, пишущая эти строки, оторвала недавно челюсть от выставленного на позорище черепа этого богохульного Левиафана, а distinguished Сэмюэл Ли стал позднее пастором английской общины, возвещающим хвалу, небесам, на той самой земле, где Филип и его индейцы поклонялись демону». См. «Christian Magazine», Boston, v. I, p. 514. Те читатели, которые знакомы с писаниями ранних пуританских проповедников, вероятно, вспомнят немало отрывков, насыщенных тем же враждебным духом. Если таким языком говорили ученые проповедники в назидание потомству, то нетрудно догадаться, какие чувства питали тогда белые к индейцам.

вам, даже когда они противоречат нашим собственным интересам, или якобы мы искренне стремимся воспитывать аборигенов в правилах высокой морали. Может показаться, что усилия благотворительных обществ, действующих из честных побуждений, заслуживают более положительной оценки. Но мы считаем, что их усилия, когда речь идет об индейцах, направлены не туда, куда надо. Это относится в одинаковой степени и к попыткам, наблюдающим на юге, где некоторых детей отрывают от родителей, чтобы дать им поверхностное представление об «астрономии, философии морали, землеустройстве, географии, истории и пользовании глобусом», и к тому, что делается на севере. Здесь хотят перевоспитать метисов, детей скупщиков пушнины и канадских бродяг, приучая их работать в специально создаваемых механизированных мастерских в пограничных поселках или в качестве матросов на судах, предназначенных для перевозки грузов по озеру Верхнему. Эти меры сами по себе, возможно, очень полезны, но не будем льстить себя надеждой, что они в какой-то мере улучшат положение индейцев. Племена чокто и чикасо едва ли надолго сохранят знания по «астрономии» и «землеустройству», чтобы ориентироваться в походах по тем безлюдным и бесплодным местам, куда мы решили их изгнать, или размежевывать эти земли. Давая отдельным членам племени образование, которое если и окажет на них какое-нибудь влияние, то сделает их менее приспособленными к уготованному им образу жизни, мы отнюдь не совершаем человеколюбивого акта, как бы ни были благородны наши побуждения. Чего стоят наши усилия или наши заверения индейцам, что мы заботимся только о их благе, если мы, давая обрывки элементарных знаний жалкой кучке детей, в то же время проводим корыстную политику, собираясь ввергнуть основную массу народа в еще более варварское состояние. Нельзя не замечать того, что, лишая индейцев более разумных способов добывания средств к существованию, мы одновременно отнимаем у них возможность и желание изучать те предметы, которые преподаются в наших школах. Разве молодой индеец, пробыв 10—15 лет в миссионерской школе и вернувшись к своему племени, станет более опытным охотником или более отважным воином, чем юноши, которые оставались дома и воспитывались в традициях своего племени?

Разве не почувствует он себя излишне обремененным массой бесполезных знаний, которые среди его неграмотных соплеменников значат так же мало, как пачка лотерейных билетов или банкнот? По этому поводу, впрочем, как и в ряде других случаев, индейцы часто высказывают весьма правильные соображения. Утверждать, что индейцы не ценят знания белых людей, — значит неправильно их понимать. Напротив, они с искренним восхищением говорят о некоторых отраслях науки и ценят умение читать и писать. Это, по их словам, помогает узнать, что происходит в далеких краях, и точно восстановить, что говорили индейцы или другие люди в давно прошедшие времена. Но все эти вещи, говорят индейцы, «предназначены не для нас». «Великий дух дал нам, как и вам, вещи, пригодные для тех условий, в которых живет каждый из нас. Вам досталось больше, но мы не в обиде за выделенную нам долю».

По поводу другой стороны этой проблемы, составляющей часть излагаемой здесь темы, достаточно сказать пару слов. Мы имеем в виду практические результаты нашей благотворительной деятельности по просвещению индейцев.

Прошло уже более 200 лет, а мы не перестаем верить в то, что на протяжении всего этого времени делались систематические и упорные усилия поскорее приобщить индейцев к цивилизации и обратить их в христианство. Полный провал всех этих попыток, казалось бы, должен был убедить нас не в том, будто индейцы «неисправимы», а что мы сами левой рукой уничтожаем то, что создаем правой. Наши торжественные обещания звучали достаточно громко, наши филантропические побуждения были весьма благородны, но эгоистическая забота о собственных интересах и удобствах оказалась сильнее. И именно этому мы должны приписать неуклонный упадок и быстрое вымирание индейцев. Нам немало говорили о «врожденной беспечности» и «азиатском темпераменте» индейцев, якобы обрекающих их на вечный застой и регресс. Но достаточно вспомнить о сохранившихся памятниках и других находках, а также

о несомненно достоверных исторических свидетельствах²⁰, чтобы убедиться в том, что всего несколько столетий назад индейцы были хотя и нецивилизованным, но великим, обеспеченным и счастливым народом. Не забывайте, что главными причинами, которые привели их в современное жалкое состояние, были несправедливость и угнетение. Их безрассудная леность, бесстыдное распутство и фатализм явились неизбежным следствием униженного и безнадёжного положения.

В наши дни никто, конечно, не будет серьезно утверждать, что духовные или физические особенности индейцев образуют какие бы то ни было непреодолимые препятствия для приобщения их к цивилизации. Тем не менее каждый, кто близко знаком с индейцами и имел возможность наблюдать, какие чувства преобладают у представителей двух рас по отношению друг к другу, сочтет такое приобщение аборигенов к цивилизации крайне неправдоподобным при существующих условиях. Поэтому вряд ли имеет смысл сейчас ломать себе голову над тем, как лучше всего достичь этой желанной цели. Какую пользу могли, например, извлечь из цивилизации несчастные семинолы? Несколько лет назад их согнали с прекрасных плодородных земель во Флориде и поселили на почти непроходимых болотах за заливом Тампа. Чтобы удержать их здесь, пришлось не только прибегнуть к воинским частям, но изо дня в день, из года в год снабжать продуктами, завозимыми извне. Не для того ли нужно просвещение индейцам, чтобы они могли лучше оценить наше милосердие и великодушие, обрекшие их на вечное скитание по болотам, песчаным пустыням и другим землям, не представляющим для нас ценности?

Недавно представлен проект собрать всех индейцев, проживающих сейчас на обширных территориях США, и поселить их в каком-нибудь месте не только к западу от Миссисипи, но и западнее обрабатываемых земель на Миссури и Арканзасе, в знойных пустынях у восточных склонов Скалистых гор. Осуществление этого проекта чревато еще большей несправедливостью и жестокостью по отношению к индейцам, чем все, что нам известно до сей поры. Закоре-нелая и непрекращающаяся вражда, установившаяся с незапамятных времен, например между племенами дакотов и оджибвеев, осэджей и чироков, достигает такой силы, что если собрать

²⁰ Вот что пишет об индейцах Уильям Кей: «Среди них нет нищих и брошенных на произвол судьбы сирот (гл. 5)... Они очень деловиты и стремятся преодолеть препятствия (на свой особый лад) с такой же энергией, как любой купец в Европе. Многие из них – наследственные вожди или ремесленники – богаты. А встречающиеся среди них бедные люди обычно говорят, что ни в чем не нуждаются (гл. 7)... Женщины из одного семейства обычно собирают по три кучи (кукурузы) по 12, 15 или 20 бушелей в каждой, а затем ее просушивают, сыпая в широкие круглые груды. А если им помогают дети или друзья, то собирают и гораздо больше (гл. 16)... Мне никогда не удавалось обнаружить среди них такого огромного количества скандальных пороков, как у европейцев. Такие грехи, как пьянство и обжорство, им совсем неизвестны. И хотя у них нет многих сдерживающих их ограничений, сказывающихся на англичанах (это относится как к законам божеским, так и к человеческим), все же никто не слышал о таких преступлениях среди них, как воровство, убийство, измена супружескому долгу (гл. 29)». Подобные цитаты можно привести из трудов почти всех ранних авторов. А нам еще говорят, что общение с европейцами во всех отношениях облагородило моральные устои индейцев! Вероятно, многие из наших современников еще помнят, как много зерна, необходимого скупщикам пушнины для ведения их торговых операций, можно было купить у индейцев. Аборигены выращивали кукурузу в местности, расположенной неподалеку от озера Верхнего и носившей у них название Кетекавне Сиби, то есть Огородная река. Такое название эта местность получила по речушке, впадающей в проток между озерами Верхнее и Гурон, в шести милях ниже Со-Сент-Мари. «Индейцы во времена первых английских поселенцев неоднократно совершали акты, свидетельствовавшие о их дружелюбном отношении к белым: они научили их, как сажать и возделывать кукурузу», а когда белым «угрожал голод, они продавали им зерно, спасая их от гибели в чужой стране, на дикой, необработанной земле». См. Trumbull, History of Connecticut, v. I, ch. 3. В другом месте тот же автор пишет: «Попав в столь отчаянное положение, они направили своих уполномоченных в индейскую деревню, называвшуюся Покомток, где те закупили такое количество зерна, что индейцы спустились к Уиндзору и Хартфорду на 50 каноэ, нагруженных кукурузой» (т. I, гл. 6). Индейцы с острова Блок, согласно тому же авторитетному источнику, засаживали кукурузой около 200 акров земли. Эти поля англичане уничтожили после двух дней пребывания на острове, где они «сожгли вигвамы» и «разбили каноэ», после чего отправились в страну пекотов (там же, гл. 5). Шарлевуа, менее авторитетный свидетель из всех ранних французских авторов, пишет, что во время набега в страну индейцев сенека французы уничтожили 400 тыс. мино (1200 тыс. бушелей) кукурузы. «Они зарезали также множество свиней, из-за чего началась эпидемия». См. Charlevoix, La nouvelle France, liv. XI. Нет необходимости приводить еще сотни цитат, чтобы доказать то, в чем сомневаются лишь очень немногие, кроме авторов, утверждающих противное, на которых мы уже ссылались.

их всех вместе в области, уже населенной воинственными охотничьими племенами, ревниво оберегающими свои земли, то это неизбежно приведет к взаимному и полному истреблению.

Местность, которую м-р Мак-Кой в своей брошюре предлагает для заселения индейцами, так неприветлива и бесплодна, что могла бы вернуть к варварству даже цивилизованного человека. Что же, кроме неизбежной гибели, может ждать здесь сборище неистовых, коварных и враждебно настроенных друг к другу дикарей?

Изо всех поступивших до настоящего времени предложений о помощи индейцам, несомненно, самым удачным, но и наиболее трудно выполнимым было бы оставить их в покое. Если бы можно было сохранить за индейцами небольшие угодья, остатки прежних обширных владений, оградить их от тлетворного влияния скупщиков пушнины, воинских гарнизонов и всего, что с этим связано, к ним по необходимости вернулось бы их прежнее трудолюбие. Трудясь, они возродили бы былое благосостояние, добродетели и счастье. Но, поскольку нет ни малейшей надежды, что такой план будет когда-либо принят, всем гуманным людям остается только надеяться, что можно найти какой-то средний путь. Если свершившегося несчастья не поправишь, то его можно хотя бы смягчить, замедлив неизбежный процесс разрушения.

Найдись в нашей среде филантроп, готовый ратовать за эту идею, ему пришлось бы в первую очередь охладить или совсем подавить тот разрушительный пыл, который охватил многих из нас и искусственно подогревается недобросовестными маклерами и незадачливыми скваттерами, призывающими к вытеснению индейцев на запад от Миссисипи.

Люди, в том числе, несомненно, и те, кто издает законы, вероятно, считают область, расположенную к западу от Миссисипи, чем-то вроде сказочной страны, где человек может питаться лунным сиянием. По крайней мере они убеждены в том, что, если загнать индейцев подальше в страну соляных гор и рогатых лягушек, они будут достаточно далеко от нас, чтобы причинять какие-либо неприятности. Но предположим, что усилия поборников этого принудительного переселения увенчаются успехом и всех индейцев до единого сошлют за Миссисипи. Сколько времени понадобится для того, чтобы лозунг «за Миссисипи!» сменился новым – «к западу от Скалистых гор!»? Послать индейцев в песчаные пустыни мы, конечно, можем, но заставить их остаться там – не в наших силах. Вскоре они стали бы причинять белым поселенцам на Ред-Ривер, Уайт-Ривер и нижнем течении Арканзаса такое же беспокойство, как сейчас колонистам Джорджии, Алабамы, Миссури и Иллинойса. Так ли уж необходимо приглашать к себе всех недовольных и обездоленных из чужеземных стран и предоставлять им возможность пользоваться всеми преимуществами наших хваленых установлений, не задавая себе вопроса, не продиктовано ли желание чужеземцев изменить местожительство скорее совершенными ими преступлениями, чем угнетением со стороны «деспотов»? Ведь вместе с тем мы твердо стоим на своем решении истребить последнюю горстку индейцев – исконных владельцев американской земли. Разве многие из них не оказались бы более полезными гражданами нашей республики, чем те иноземцы, которые так охотно у нас натурализуются?

Разумеется, белым нежелательно, чтобы какое-нибудь из аборигенных племен, которое уже приобщилось к нашей цивилизации или приобщится к ней в будущем, настолько усилилось, что численность его возросла бы и оно создало бы независимое государство, способное по мере укрепления его мощи причинять жестокое беспокойство своим соседям. Между тем, если бы предлагаемый проект переселения индейцев удалось полностью претворить в жизнь, это означало бы не только явную и вопиющую несправедливость. Политические последствия такой меры так же спорны, как наша бесплодная попытка вернуть потомков африканских рабов на их родину. Многие верят в то, что каждое преступление, совершается ли оно частным лицом или целой нацией, рано или поздно будет отомщено. А разве не может случиться так, что, несмотря на усилия Общества помощи колонистам, негритянская раса, столь широко у нас распространенная и пустившая глубокие корни, приобретет такую силу, что вчетверо воз-

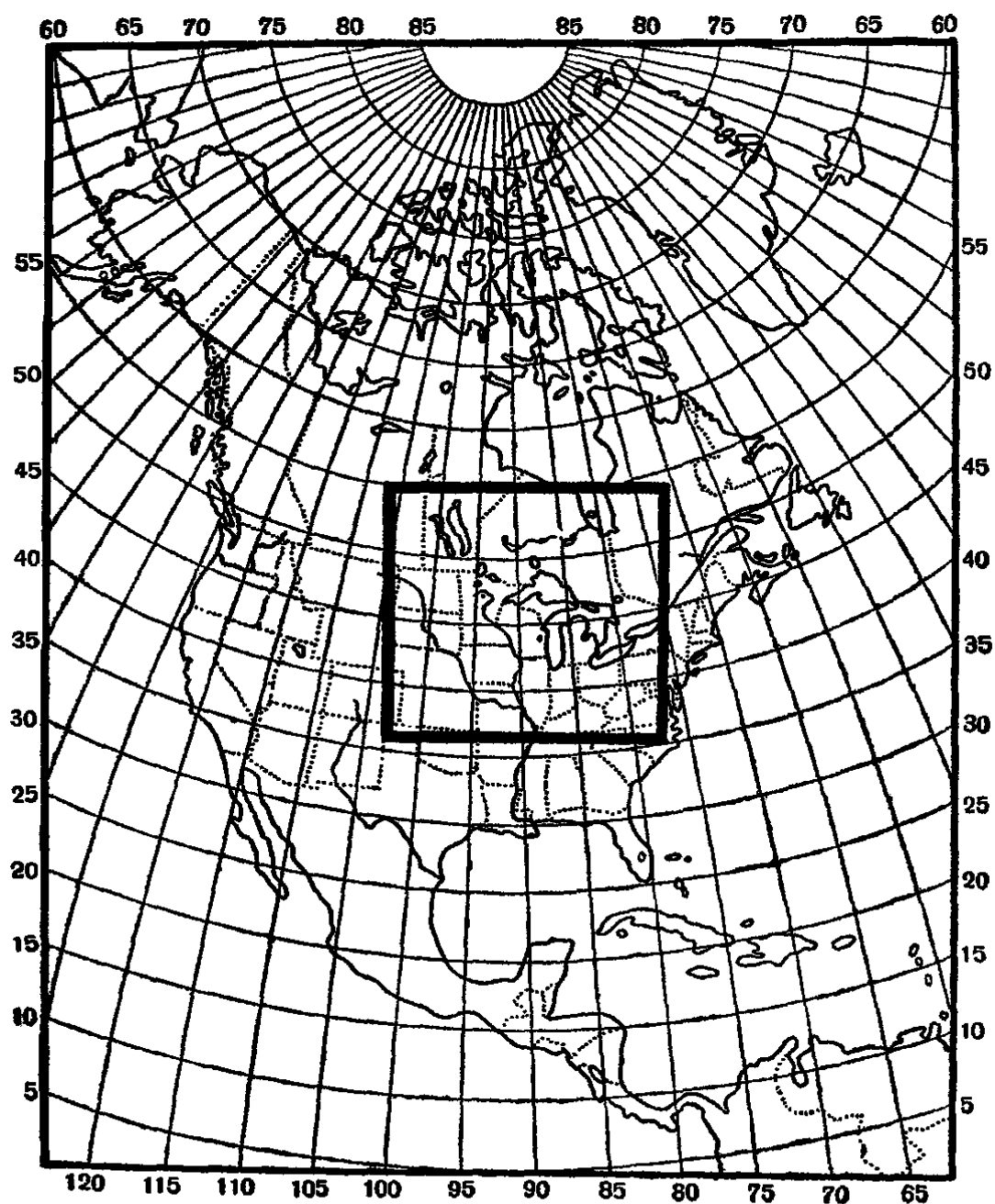

даст нашим потомкам за зло, причиненное коренному населению нашими предками и нами самими?

Вся история индейцев и их современное положение настоятельно требуют, чтобы мы во всеуслышание заявили о необходимости немедленно изменить нашу политику – если только США не преследуют цели быстрее и полного уничтожения индейцев. Важнейшими целями предлагаемого политического курса должны стать: предотвращение пагубных последствий конкурентной борьбы между торговыми компаниями; решительный запрет продажи спиртных напитков и пресечение других преступных действий пушных компаний; поощрение земледелия и кустарного промысла, что в конечном счете положит конец полной зависимости индейцев от этих компаний.

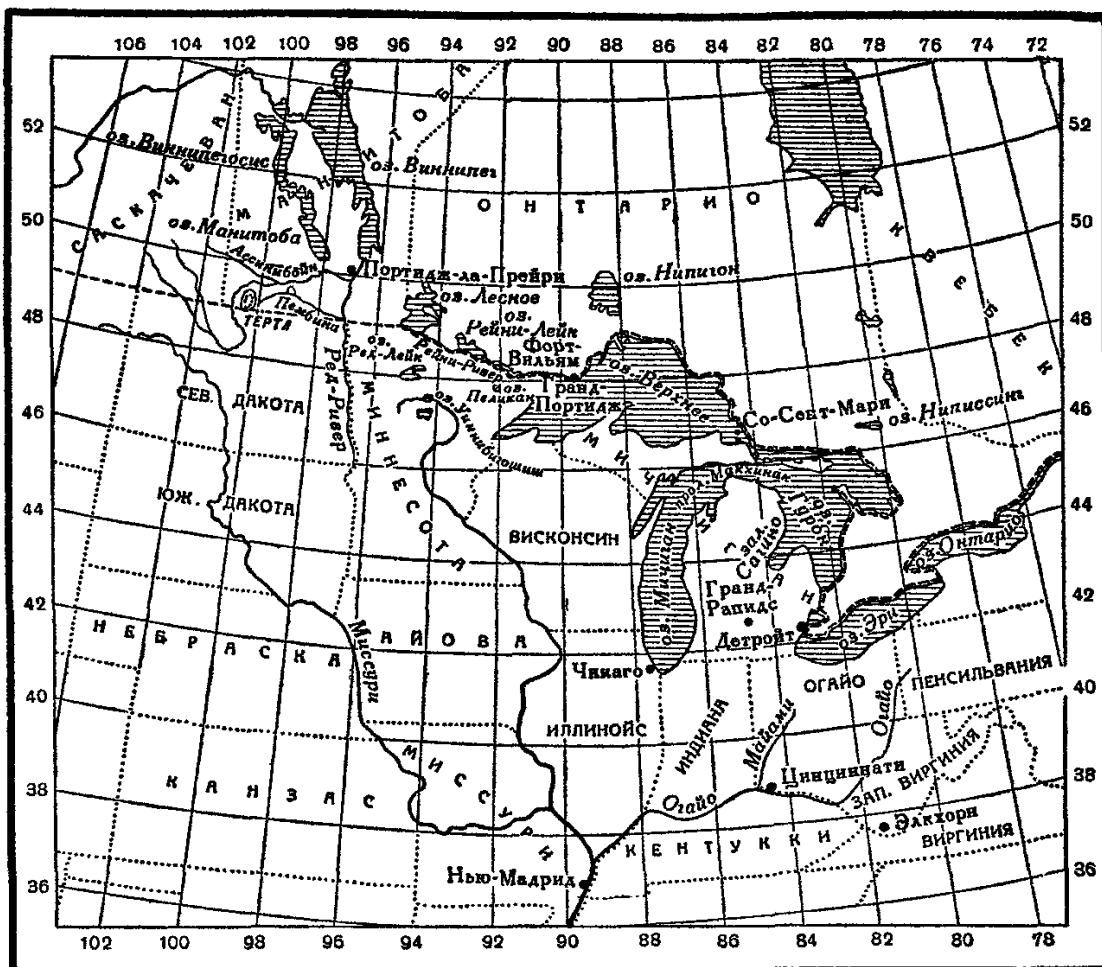
Беспечность, вошедшую у индейцев в привычку, и их отвращение к регулярной работе можно постепенно преодолеть посредством таких поощрений, как награждение лошадьми, крупным рогатым скотом, инструментами, сельскохозяйственными орудиями, красивой одеждой, скромными, но изящными украшениями. Такие награды можно было бы раздавать как знаки почетного отличия и поощрения за прилежание и настойчивость в труде. Эти усилия, направленные на повышение трудолюбия индейцев, должны сочетаться с их просвещением, причем к учению надо приобщать не одного из 10 тысяч индейских детей, а всех поголовно. Надлежащее место должно занять и обучение английскому языку. Нельзя жалеть усилий для достижения любой из этих целей! Нам представляется очень важным, чтобы индейцы не только научились английскому языку, но одновременно отказались от своего собственного, а также от всех своих традиционных взглядов и представлений.

Если бы все это удалось осуществить, если бы, далее, в качестве вознаграждения за соблюдение предписываемых правил поведения индейцам предоставлялись все гражданские права и привилегии, включая право на владение имуществом определенного размера, то в характере индейцев произошел бы быстрый и резкий перелом к лучшему. Посредством ряда таких мероприятий хотя бы часть индейского народа можно было бы сохранить и приобщить к обществу белых. Разрозненные же и независимые индейские племена, сохраняющие свой язык, обычаи и взгляды, едва ли жизнеспособны.

Северная Америка. В рамку заключен район кочевий индейцев, среди которых жил Теннер.

Северная Америка. В рамку заключен район кочевий индейцев, среди которых жил Теннер.

**Район, в котором жил Теннер, находясь среди индейцев
(в более крупном масштабе).**

Район, в котором жил Теннер, находясь среди индейцев (в более крупном масштабе).

Глава I

Воспоминания о раннем детстве. – Похищение. – Путешествие от устья Майами в Сау-ги-нонг. – Церемония усыновления семьей моих приемных родителей. – Жестокое обращение. – Меня продают в семью Нет-но-квы. —Переселение на озеро Мичиган.

Самое раннее событие в моей жизни, которое я отчетливо помню, – смерть матери. Это случилось, когда мне было два года, но многие сопутствующие обстоятельства так глубоко запечатлелись, что они все еще свежи в моей памяти. Я не могу вспомнить, как назывался поселок, в котором мы жили, но позднее узнал, что он находился на берегу реки Кентукки, на порядочном расстоянии от Огайо.

Мой отец, Джон Теннер, выходец из Виргинии, раньше был священником евангелической церкви. Он прожил долгие годы после того, как меня похитили индейцы и умер через три месяца вслед за сильным землетрясением 1811 года, разрушившим часть города Нью-Мадрид и ощущавшемся на всем протяжении Огайо.

Вскоре после смерти матери отец переехал в поселок Элхорн. Там была пещера, куда я часто ходил с братом. Мы брали с собой две свечи и, вползая в пещеру, зажигали одну из них, продвигаясь вперед, пока она горела. Затем зажигали вторую и шли назад, добираясь до выхода раньше, чем она гасла.

Иногда на поселок Элхорн нападали группы враждебных индейцев шауни; они убивали нескольких белых и уводили с собой скот, а иной раз пристреливали коров и лошадей. Однажды ночью мой дядя (брат отца) и другие мужчины подкрались к индейскому стану и обстреляли его. Дядя убил одного индейца, скальп которого принес домой; остальным удалось спастись, бросившись в реку.

Во время нашего пребывания в Элхорне произошло одно событие, которому я приписываю многие несчастья, случившиеся со мною позднее. Однажды утром, собираясь по делам в соседнюю деревню, отец, как потом выяснилось, строго приказал моим сестрам Агате и Люси отправить меня в школу. Но они вспомнили об этом только во второй половине дня. Между тем погода испортилась, начался дождь, и я настоял на том, чтобы остаться дома. Когда отец вернулся вечером домой и узнал, что я так и не пошел в школу, он заставил меня самого принести пучок розог и высек. Наказание на мой взгляд было более жестоким, чем я заслуживал. Я затаил обиду на сестер, которые свалили всю вину на меня, хотя утром не удосужились сказать мне, что нужно идти в школу. С этого дня отчий дом стал мне менее дорог, чем прежде. Я часто думал и говорил: «Мне бы хотелось уйти к индейцам и жить среди них».

Не могу сказать, как долго мы еще прожили в Элхорне; пустившись в путь, мы ехали два дня в повозках, запряженных лошадьми, до реки Огайо, где отец купил три плоскодонные лодки с бортами, запятнанными кровью и продырявленными пулями. Должно быть, они раньше принадлежали белым, которых застрелили индейцы. В одной из лодок разместили лошадей и быков, вторую нагрузили постелями, мебелью и разной утварью, а в третью село несколько негров. Лодку со скотом и ту, где разместилась вся наша семья, связали вместе, а третья с неграми плыла позади. Мы спустились вниз по Огайо и через два-три дня добрались до Цинциннати. Но тут посредине реки лодка с лошадьми и быками вдруг начала тонуть. Отец, увидев, как она погружается в воду, перескочил в нее и перерезал поводья; освободившись, животные вплавь достигли противоположного берега в штате Кентукки. Люди из Цинциннати

выехали нам на помощь на своих лодках, но отец сказал им, что скот уже спасен. За день мы добрались от Цинциннати до устья реки Биг-Майами, где намеревались обосноваться.

*[Там на берегу нашли мы обработанную землю и несколько хижин, покинутых поселенцами из опасения диких. Отец мой исправил хижины и окружил их забором. Это было весною. Он занялся хлебопашеством. Дней десять спустя по своем прибытии на место он сказал нам, что лошади его беспокоятся, чуя близость индейцев, которые, вероятно, рыщут по лесу. «Джон, – прибавил он, обращаясь ко мне, – ты сегодня сиди дома».]*²¹ Затем, наказав мачехе не выпускать из дома никого из малышей, *[пошел он засеивать поле с своими неграми и старшим моим братом.*

Нас осталось дома четверо детей. Мачеха, чтоб вернее меня удержать, поручила мне смотреть за младшим, которому не было еще году. Я скоро соскучился и стал щипать его, чтоб заставить кричать. Мачеха велела мне взять его на руки и с ним гулять по комнатам. Я послушался, но не перестал его щипать. Наконец она стала его кормить грудью, а я побежал проворно на двор и ускользнул в калитку, оттуда в поле. Не в далеком расстоянии от дома, и близ самого поля, стояло ореховое дерево, под которым бежал я собирать прошлогодние орехи. Я осторожно до него добрался, чтоб не быть замечену ни отцом, ни его работниками... Как теперь вижу отца моего, стоящего с ружьем на страже посреди поля. Я спрятался за дерево и думал про себя: «Мне бы очень хотелось увидеть индейцев!» Уж моя соломенная шляпа была почти полна орехами, как вдруг услышал я шорох. Я оглянулся: индейцы! Старик и молодой человек схватили меня и потащили. Один из них выбросил из моей шляпы орехи и надел мне ее на голову.] Старика, как я потом узнал, звали Манито-о-гизик, а его сына – Киш-кау-ко. Позднее, возвратившись с реки Ред-Ривер, я побывал в Детройте, когда Киш-кау-ко сидел там в тюрьме. Поехал я также и в Кентукки, где узнал некоторые подробности похищения, ранее мне неизвестные. Оказалось, что у Манито-о-гизика незадолго до того умер младший сын, и жена заявила, что не переживет утраты, если ей не возвратят ребенка. Это означало, что ей должны привести пленника, которого она могла бы усыновить взамен погибшего, и только с этой целью Манито-о-гизик с сыном и двумя другими индейцами из его группы, жившей у озера Гурон, отправился на восток. У верхней части озера Эри к ним присоединились еще трое молодых людей (родичей Манито-о-гизика), и теперь они уже всемером двинулись к поселениям на берегу Огайо. Ночью накануне похищения они достигли устья Биг-Майами, переправились через Огайо и притаились поблизости от нашего дома. Но уже рано поутру старому Манито-о-гизiku с трудом удавалось сдерживать горячность своих юных спутников. Не видя возможности выкрасть мальчика, они потеряли терпение и хотели обстрелять людей, сеявших кукурузу. Должно быть, наступил уже полдень, когда индейцы увидели, как я вышел из дома и направился к ореховому дереву, стоявшему, как видно, совсем рядом с тем местом, где они притаились. Через несколько минут после того, как я улизнул из дома, отец, вернувшись с поля, обнаружил мое исчезновение. Мачеха же еще не успела заметить, что я вышел. Старший брат тотчас кинулся к ореховому дереву, зная, как я любил туда ходить, и, увидев на земле орехи, выброшенные индейцем из моей шляпы, сразу понял, что меня похитили. Тотчас начали поиски, оказавшиеся безуспешными. Позднее мне рассказали, что отец сильно горевал, когда выяснилось, что меня увели индейцы.

Не помню ничего, что случилось вслед за тем, как индейцы схватили меня. Увидев, что два индейца крепко держат меня за запястья, я на долгое время потерял представление о том, что делалось вокруг. *[Вероятно, я упал в обморок, потому что не закричал. Наконец я очнулся под высоким деревом. Старика не было. Я находился между молодым человеком и другим индейцем, широкоплечим и малорослым. Вероятно, я его чем-нибудь да рассердил, потому что*

---

²¹ Здесь и далее в квадратных скобках курсивом дан перевод А.С. Пушкина. См. А.С. Пушкин, Соч., ГИХЛ, М., 1950, т. 5, стр. 343—368. – Прим. ред.

он потащил меня в сторону, схватил свой томагаук (дубину) и знаками велел мне глядеть вверх. Я понял, что он мне приказывал в последний раз взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индеец, похитивший меня, удержал удар, взнесенный над моей головой. Оба заспорили с живостью. Покровитель мой закричал. Несколько голосов ему отвечало. Старик и четыре другие индейца прибежали поспешно.] Позднее я понял, кто Киш-кау-ко пожаловался своему отцу на малорослого индейца, хотевшего убить его маленького брата, как он меня называл. [Старый начальник, казалось, строго говорил тому, кто угрожал мне смертью. Потом он и молодой человек взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тем ужасный индеец шел за нами. Я замедлял их отступление, и заметно было, что они боялись быть настигнутыми.] Несколько человек из отряда все время прикрывали нас с тыла, следуя за нами на некотором расстоянии.

Примерно в одной миле от дома моего отца в кустах на берегу реки было спрятано каноэ из коры дерева гикори. [Они сели в него все семеро, взяли меня с собою и переправились на другой берег, у самого устья Биг-Миами. Челнок остановили. В лесу спрятаны были одеяла (кожаные) и запасы; они предложили мне дичины и медвежьего жиру. Но я не мог есть. Наш дом отселе был еще виден; они смотрели на него и потом обращались ко мне со смехом. Не знаю, что они говорили.

Отобедав, они пошли вверх по берегу, таща меня с собою по-прежнему, и сняли с меня башмаки, полагая, что они мешали бежать. Я не терял еще надежды от них избавиться, несмотря на надзор, и замечал все предметы, дабы по ним направить свой обратный побег; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить следы. Я надеялся убежать во время их сна. Настала ночь; старик и молодой индеец легли со мною под одно одеяло и крепко прижали меня. Я так устал, что тотчас заснул. На другой день я проснулся на заре. Индейцы уже встали и готовы были в путь. Таким образом шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я всё надеялся убежать, но при наступлении ночи сон каждый раз мною овладевал совершенно. Ноги мои распухли и были все в ранах и в занозах. Старик мне помог кое-как и дал пару мокасинов (род кожаных лаптей)²², которые облегчили меня немного.

Я шел обыкновенно между стариком и молодым индейцем. Часто заставляли они меня бегать до упаду. Несколько дней я почти ничего не ел. Мы встретили широкую реку, впадающую (думаю) в Миами. Она была так глубока, что мне нельзя было ее перейти. Старик взял меня к себе на плечи и перенес на другой берег. Вода доходила ему подмышки; я увидел, что одному мне перейти эту реку было невозможно, и потерял всю надежду на скорое избавление. Я проворно вскарабкался на берег, стал бегать по лесу и спугнул с гнезда дикую птицу. Гнездо полно было яиц; я взял их в платок и воротился к реке. Индейцы стали смеяться, увидев меня с моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца в маленьком котле. Я был очень голоден и жадно смотрел на эти приготовления. Вдруг прибежал старик, схватил котел и вылил воду на огонь вместе с яйцами. Он наскоро что-то шепнул молодому человеку. Индейцы поспешно подобрали яйца и рассеялись по лесам. Двое из них умчали меня со всевозможною быстротою. Я думал, что за нами гнались, и впоследствии узнал, что не ошибся. Вероятно меня искали на том берегу реки...

Два или три дня после того встретили мы отряд индейцев, состоявший из двадцати или тридцати человек. Они шли в европейские селения. Старик долго с ними разговаривал. Узнав (как после мне сказали), что белые люди за нами гнались, они пошли им навстречу. Произошло жаркое сражение, и с обеих сторон легло много мертвых.

Поход наш сквозь леса был труден и скучен. Через десять дней пришли мы на берег Мауми. Индейцы рассыпались по лесу и стали осматривать деревья, перекликаясь между

---

²² **Мокасины** – мягкая кожаная обувь, изготовлявшаяся или из одного куска замши (а зимой из кожи мехом внутрь), или из двух кусков – замшевого верха и подошвы из твердой кожи. – Прим. ред.

собою. Выбрали одно ореховое дерево (*hickory*), срубили его, сняли кору и сшили из нее челнок, в котором мы все поместились; поплыли по течению реки и вышли на берег у большой индийской деревни, выстроенной близ устья другой какой-то реки. Жители выбежали к нам навстречу. Молодая женщина с криком кинулась на меня и била по голове.] Ведь несколько ее друзей погибло от руки белого человека. [Казалось, многие из жителей хотели меня убить; однако старик и молодой человек уговорили их меня оставить. Повидимому, я часто бывал предметом разговоров, но не понимал их языка. Старик знал несколько английских слов. Он иногда приказывал мне сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная таким образом требовать от меня различных услуг.

Мы отправились далее. В некотором расстоянии от индийской деревни находилась американская контора²³. Тут несколько купцов со мною долго разговаривали. Они хотели меня выкупить; но старик на то не согласился. Они объяснили мне, что я у старика заступлю место его сына, умершего недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во всё время нашего пребывания. Когда мы расстались, я стал кричать – в первый раз после моего похищения из дому родительского. Купцы утешили меня, обещав через десять дней выкупить из неволи.]

Покинув факторию, мы вскоре достигли озера, но с наступлением ночи не стали разбивать лагерь и устраиваться на отдых. Как только стемнело, индейцы испустили особый клич, и в ответ на противоположном берегу зажглось несколько костров. Вскоре мы увидели приближающееся к нам каноэ, которое забрало на другой берег троих людей из нашей группы.

Я уже точно не помню, какие происшествия приключились с этого момента до нашего прибытия в Детройт. Вначале мы плыли посредине реки, пока не оказались напротив центра города, затем пристали к берегу; здесь я увидел белую женщину, с которой индейцы перебросились несколькими фразами, но о чем они говорили, так и не понял. Несколько белых мужчин тоже стояли или прогуливались по берегу; до меня доносились звуки их речи, но я не понимал ни единого слова. Вероятно, они говорили по-французски. Поболтав несколько минут с той женщиной, индейцы вывели свои лодки на середину реки и, быстро гребя против течения, прошли порядочное расстояние от города. К середине следующего дня мы высадились в лесу, вытащив каноэ на берег. Индейцы нашли большой древесный ствол с дуплом, открытым с одного конца, и положили туда свои одеяла, маленький котелок и другие вещи. Затем они заставили меня залезть в дупло и заложили отверстие, через которое я прополз. Сначала я слышал их голоса, потом всех стихло, и молчание установилось надолго.

Если бы я давно уже не потерял надежды удрать из плена, то теперь лишний раз убедился бы, что все попытки вырваться из неволи обречены на неудачу. Через несколько часов, я услышал, как убирают сучья, которыми заткнули дупло, и, выбравшись наружу, увидел, хотя все это происходило поздней ночью или, возможно, под утро, что индейцы привели трех лошадей: большую серую кобылу и двух невысоких каурых коней. Меня посадили на одну из лошадей; на другую навьючили вещи, а на третьей поочередно ехали индейцы. Мы продвигались очень быстро и через три дня прибыли в деревню старого Манито-о-гизика – Сау-ги-нонг²⁴. Эта деревня (или поселок) состояла из беспорядочно разбросанных домов. Вскоре после того, как мы туда добрались, два сопровождавших нас индейца ушли. Остались только Киш-кау-ко и

---

²³ Имеются в виду открывавшиеся европейскими предпринимателями в глубине индейских территорий пункты по покупке у индейцев пушнины. Такого рода фактории Картье встречал на берегах реки Святого Лаврентия еще в 1534 г. Первый торговый пункт, часто упоминаемый Теннером Сагино, был открыт в 1603 г. Как видно из рассказов Теннера, это были пункты спаивания и ограбления индейцев скупщиками пушнины. – *Прим. ред.*

²⁴ Название Сау-ги-нонг, точнее, Сагино, происходит от слова «сагино» (устье реки), но его толкуют и как «поселение индейцев саук». Расположен этот поселок в современном штате Мичиган и первоначально принадлежал индейцам племени саук (то есть огненное племя). Индейцы саук вместе с оттава, оджибвеями, меномини и еще примерно 29 племенами принадлежат к алгонкинскому языковому семейству. Позднее в Сагино поселились оттава и часть оджибвеев, остававшиеся там до 1837 г. – *Прим. ред.*

его отец. Вместо того чтобы тотчас отправиться домой, они сначала отвели на отдых лошадей, а затем одолжили каноэ, на котором мы наконец приплыли к жилищу старика – бревенчатой хижине, похожей на те, что встречаются в Кентукки. Как только мы пристали к берегу, к нам спустилась старая женщина. Манито-о-гизик сказал ей несколько слов, после чего она начала испускать радостные крики, осыпая меня поцелуями и сжимая в объятиях, а затем увлекла в свою хижину. На завтра меня повели к тому месту, где был погребен сын старой индианки. Могила по обычаю индейцев окружал частокол, а по обе ее стороны находились расчищенные ровные площадки, где все и уселись: родичи и друзья Манито-о-гизика – с одной стороны, все остальные – с другой. Друзья принесли подарки: муккуки²⁵ с кленовым сахаром, мешки с кукурузой, бисер, грубую ткань, табак и т.п. Как только все собрались, моя группа начала кружиться в пляске возле могилы, увлекая меня за собой. Пляска была быстрой и веселой, как и пляска скальпа²⁶. Во время танца мне то и дело подносили какой-нибудь из принесенных подарков. Но как только я оказывался по другую сторону от могилы, все подарки тотчас отбирались. Так мы провели значительную часть дня, пока подарки не истощились, после чего все разошлись по домам.

Думаю, что весна еще только начиналась, когда мы прибыли в Сау-ги-нонг. Помнится, что листочки на деревьях только-только развернулись, а индейцы высевали кукурузу. Объясняясь со мной жестами и при помощи скудного запаса английских слов, которые знал старый Манито-о-гизик, индейцы заставили меня помогать им в работе. Засеяв поля, все жители покинули деревню, чтобы заняться охотой и вяленьем мяса²⁷.

Добравшись до своих охотничьих угодий и выбрав место, где в изобилии водились олени, индейцы начали сооружать нечто вроде длинной изгороди из зеленых веток и молодых деревьев. Когда часть работы была закончена, мне показали, как нужно отрывать листья и сухие веточки с той стороны, откуда индейцы собирались стрелять в оленей. Иногда мне помогали женщины и дети, но обычно я выполнял эту работу один.

Началась жара, и как-то раз, оставшись один, я заснул, истомившись от жажды и усталости. Не знаю, долго ли я проспал. Вдруг мне показалось, что где-то раздается громкий плач. Я попытался поднять голову и не смог. Постепенно приходя в себя, я увидел мою индейскую мать и сестер и почувствовал, что голова и лицо у меня мокры. Только теперь я заметил, что старуха и ее дочери горько плакали. Лишь позднее я обнаружил, что на голове у меня рана. Оказалось, что Манито-о-гизик, застав меня спящим, нанес мне удар своим томагавком, а потом, раненого, бросил в кусты. Вернувшись в лагерь, он сказал жене: «Старуха, мальчишка, которого я тебе привел, ни на что не годен; я убил его; ты найдешь его там-то». Старая индианка и ее дочери, разыскав меня, обнаружили, что я подаю еще признаки жизни. Они долго лили мне на голову холодную воду и плакали, пока я не очнулся. Через несколько дней я почти поправился и меня опять послали на работу по сооружению загона. Но теперь я изо всех сил старался не заснуть, прилежно помогал индейцам и точно выполнял их указания. И все же со мной обращались очень жестоко, особенно старик и его сыновья Ши-мунг и Кво-та-ши. Когда мы жили в охотничьем лагере, один из них дал мне уздечку и рукой показал, в каком направлении идти. Я пошел в ту сторону, догадавшись, что мне приказано привести лошадь, и поймал первую,

---

²⁵ **Муккуки** (правильнее – мукук, или мокук) – сосуды из бересты, иногда украшавшиеся орнаментом, в которых индейцы, особенно из племени оджибвеев, хранили сахар или сироп, добываемый весной из кленового сока. Мокук вмещает примерно 20 кг. – *Прим. ред.*

²⁶ Военная пляска скальпа исполняется женщинами. – *Прим. ред.*

²⁷ Впрок мясо заготавливалось путем вяления его на открытом воздухе. Для более длительного хранения и для дальних походов индейцы растирали сушеное мясо в порошок, называвшийся «пеммиканом» и получивший широкое распространение среди белых торговцев, путешественников и охотников в условиях севера. Многие племена заготавливали так называемый «ягодный пеммикан», смешивая мясной порошок с ягодной пастой, животным жиром и мозгом. Получался очень стойкий, легкий и питательный продукт. – *Прим. ред.*

какая попалась мне на глаза. Так по жестам я научился довольно хорошо угадывать, какие услуги от меня требовались.

Когда мы возвращались с охоты, меня заставили всю дорогу до деревни нести на спине тяжелый тюк с вяленным мясом. Я чуть не умирал от голода, но не посмел взять ни кусочка. Моя индейская мать, кажется, жалела меня и иногда припрятывала немного мяса, которое давала мне, когда старик куда-нибудь уходил. По возвращении в деревню молодые индейцы в хорошую погоду занимались тем, что били рыбу копьем. При этом мне поручалось править каное. Так как я не слишком хорошо справлялся с этим делом, они часто набрасывались на меня и избивали тупым концом копья. Почти каждый день мне доставалось от кого-нибудь из них. Некоторые индейцы, не из нашей семьи, порой жалели меня; тайком от старика они давали мне поесть и обращались со мною ласково.

Осенью, после того как кукурузу убрали и запрятали на зиму в сун-джи-гвун-нуны, или тайники, индейцы ушли на охоту к реке Сау-ги-нонг. Там, как и всегда, пока я находился среди них, меня сильно мучил голод. Я часто ходил с охотниками в лес и видел, как они что-то едят, но, когда пробовал узнать, чем же они питаются, от меня это тщательно скрывали. Наконец я случайно нашел несколько буковых орешков и, хотя видел их впервые, рискнул попробовать. Они мне очень понравились, и я показал их индейцам. Те рассмеялись и сказали, что именно этими орешками они уже давно лакомятся. Когда выпал снег, меня заставили следовать за охотниками и часто поручали тащить до лагеря целого оленя, с чем я справлялся с величайшим трудом.

Ночью я спал между очагом и входом в шалаш²⁸, и, когда кто-нибудь входил или выходил, мне доставались пинки ногой. А если кто-нибудь ночью пил, то меня неизменно обливали оставшейся водой. Старик всегда был со мной очень суров, но иногда мне доставалось от него особенно сильно. Однажды утром он встал, надел мокасины и ушел. Но вдруг он вернулся, схватил меня за волосы, вытащил наружу и ткнул лицом в кучу экскрементов, как поступают с провинившейся кошкой, а затем поднял и бросил в сугроб. В таком виде я не посмел вернуться в шалаш. Наконец вышла мать и принесла мне воды, чтобы отмыться. Мы тогда собирались переменить место стоянки, и, как всегда, на меня взвалили тяжелую ношу. Но я не успел как следует умыться, и индейцы, почувствовав исходящую от меня вонь, стали спрашивать, что случилось. Знаками и с помощью небольшого запаса индейских слов я уже мог теперь объяснить, как со мной поступили. Меня пожалели, помогли вымыться и дали поесть²⁹.

Мать обычно обращалась со мной ласково и часто, когда старик меня бил, обхватывала руками, так что удары сыпались на нас обоих.

К концу зимы мы двинулись дальше. На этот раз в кленовые леса³⁰. В то время Киш-кау-ко, которому было около 20 лет, собрался вместе с четырьмя другими юношами в военный поход (против белых). Манито-о-ги-зик, возвратившийся в деревню, как только сироп был готов, тоже сговорился с другими мужчинами и стал готовиться в поход. Находясь среди индейцев уже около года, я понемногу начал понимать их язык. Перед тем как тронуться в путь, старик сказал мне: «Я иду за тем, чтобы убить твоего отца, брата и всех твоих родичей». Первым возвратился Киш-кау-ко, но с тяжелой раной. Он рассказал, что был со своим отрядом у реки Огайо, где лег в засаду, чтобы обстрелять небольшую лодку, плывшую вниз по течению. Одного мужчину он убил, а другие спаслись, бросившись в воду. При преследовании врагов

---

²⁸ Места в шалаше по традиции строго распределены. В середине находится очаг. Почетным считается место между очагом и задней стойкой, а самым плохим – между огнем и входом. – *Прим. ред.*

²⁹ Здесь Джемс дает сноску, в которой отмечает, что Теннер перенял «индейский обычай скрывать свои чувства». Однако он не мог забыть того позора, который ему, десятилетнему мальчику, нанес Манито-о-гизик. Услышав о смерти старого индейца, Теннер, будучи уже взрослым, выразил свое удовлетворение, «так как хотел ему отомстить». – *Прим. ред.*

³⁰ В английском оригинале стоит «to the sugar grounds», то есть на «сахарные земли». Ведь индейцы извлекают сахар из сока сахарного клена (*Acer saccharinum*), приготавливая из него сироп. – *Прим. ред.*

Киш-кау-ко поранил себе бедро своим же копьем. Скальп убитого им мужчины он принес с собой.

Через несколько дней вернулся и Манито-о-гизик. Он захватил с собой старую белую шляпу моего брата, которую я узнал по некоторым приметам. Старик сказал, что убил всех членов моей семьи, а также всех негров и лошадей. А шляпу брата он-де захватил, чтобы я не усомнился, что мне говорят правду. Я решил, что остался совсем без родных, и желание вернуться домой стало ослабевать. Как видно, этого и добивался старик, рассказывая мне свою почти полностью лживую историю. Много лет спустя, возвратившись с реки Ред-Ривер и встретив Киш-кау-ко, я спросил его: «Правда ли, что твой отец убил тогда всех моих родичей?» Он ответил, что дело было совсем не так. Через год после моего похищения и в тот же сезон, когда это произошло, Манито-о-гизик возвратился к полю, где нашел меня. И на этот раз он застал моего отца и его людей, занятых севом кукурузы. Они проработали в поле с утра до полудня, а затем все, кроме моего 19-летнего брата, пошли домой. Брат продолжал пахать поле парной упряжкой, закинув вожжи себе на шею, когда на него напали индейцы. Лошади понесли, брат запутался в вожжах, упал, и его схватили индейцы. Лошадей они расстреляли из луков, а брата утащили в лес. Еще до наступления темноты индейцы пересекли Огайо и прошли порядочное расстояние на пути к Майами. На ночь индейцы крепко, как им казалось, привязали брата к дереву. Руки его были связаны за спиной, веревки опутывали грудь и шею. Но он перегрыз несколько витков и, ухитрившись достать из кармана перочинный ножик, перерезал остальные, добежал до Огайо и вплавь добрался до другого берега. Примерно к восходу солнца брат был уже дома. Индейцы слышали поднятый братом во время бегства шум и преследовали его до самого леса. Но из-за темноты поймать его им так и не удалось. Шляпу же, брошенную братом на месте стоянки, индейцы принесли мне, чтобы убедить меня в его гибели.

Так прожил я в этой семье два года, и надежда на побег постепенно угасала. Но я все еще помнил обещания английских торговцев из фактории на реке Моми и надеялся, что они приедут, чтобы освободить меня из неволи. Индейцы часто напивались и, будучи пьяными, всегда хотели прикончить меня. В этих случаях я убежал в лес и прятался там, не отваживаясь возвращаться, пока они не протрезвятся. В этом году, как и в предыдущем, я постоянно страдал от голода, и, хотя индейцы из других семей иногда давали мне поесть, я никогда не наедался.

Моя мать, которую звали Не-кик-уоз-ке-чим-е-куа, что означало «женщина Выдры» (ее тотемом была выдра)³¹, хорошо обращалась со мной, как и ее дочери, а также младший сын Би-наис-са (Птица). Но Киш-кау-ко, его отец и оба брата – Кво-та-ши и Ши-мунг – были кровожадны и жестоки; все оставшиеся еще в живых члены этой семьи и по сей день причиняют немало беспокойства белым. Би-наис-са, позднее посетивший меня в Детройте, всегда относился ко мне дружелюбно. Он был лучше других, но его уже нет в живых.

За все время, что я прожил с ними в Сау-ги-нонге, мне только один раз довелось увидеть белых. Мимо нас проплывала маленькая лодка, и индейцы, посадив меня в каноэ, близко подошли к ней, правильно рассудив, что мой изможденный вид вызовет сострадание у любых белых купцов или людей других занятий. Мне действительно дали хлеб, яблоки и другие подарки; но индейцы отобрали у меня все, кроме одного яблока.

Семья, в которой я жил, дала мне имя Шоу-шоу-уа-не-ба-се (Сокол), и оно осталось за мной, пока я жил среди индейцев. Я прожил в Сау-ги-нонге примерно около двух лет, когда английские торговые агенты созвали в Маккинаке большой совет племен. В нем принимали участие сиу, виннебаго, меномини и еще более отдаленные племена, а также оджибвеи, оттава и др. Когда старый Манито-о-гизик вернулся с этого совета, я узнал, что он встретил там свою родственницу, по имени Нет-но-ква, которая, несмотря на свой пол, была верховным вождем индейцев оттава. Она недавно потеряла сына, примерно моего сверстника, ей рассказали обо

---

³¹ Это значило, что она была членом родовой группы, носившей название «Выдра». – *Прим. ред.*

мне, и индианка захотела меня купить и усыновить. «Выдра», моя первая индейская мать, резко возражала против такой сделки. Я слышал, как она говорила: «Мой сын уже однажды умер, но мне его возвратили, я не хочу его терять второй раз».

Но ее возражения оказались тщетными, когда появилась Нет-но-ква с большим запасом водки и других подарков. Она привезла с собой бочонок виски вместимостью около десяти галлонов, одеяла, табак и другие высоко ценившиеся вещи. Как видно, она прекрасно знала требования тех, с кем намеревалась вести переговоры. Возражения против обмена раздавались лишь до тех пор, пока чаша с водкой не прошла несколько раз по кругу. Содержимое второго бочонка и новые подарки закрепили сделку, и меня передали Нет-но-кве.

Эта уже не молодая женщина внешне была более представительна, чем моя первая индейская мать. Завершив сделку, она взяла меня за руку и увела в свою палатку, стоявшую поблизости. Я сразу понял, что обращаться со мной здесь будут гораздо лучше, чем прежде. Она накормила меня досыта, хорошо одела и приказала идти играть с ее сыновьями. Мы не долго оставались в Сау-ги-нонге. Нет-но-ква не захотела задерживаться со мной и в Маккинаке. Мы проехали его ночью, торопясь в Пойнт-Сент-Игнас³², где она наняла нескольких индейцев, чтобы присматривать за мной, а сама с группой молодых людей возвратилась в Маккинак. Уладив там свои дела, Нет-но-ква вернулась, и мы, продолжив свой путь, через два-три дня прибыли в Шаб-а-ви-ви-а-гун. Мы поспели туда к сбору кукурузы; после короткого отдыха мы три дня поднимались вверх по реке до зимнего лагеря. Оставив свои каноэ, чтобы идти дальше по суше, три раза разбивали лагерь на ночь, прежде чем добрались до того места, где должны были построить зимние жилища.

Мужем Нет-но-квы был индеец-оджибвей о реки Ред-Ривер, носивший имя Тау-га-ве-нинне (Охотник). Он был на 17 лет моложе Нет-но-квы и, чтобы соединиться с ней, прогнал свою первую жену. Тау-га-ве-нинне обходился со мной ласково и снисходительно, скорее как с равным, чем как с подчиненным. Обращаясь ко мне, он всегда называл меня сыном. Но в этой семье муж занимал второстепенное положение, потому что все имущество принадлежало Нет-но-кве, и во всех делах за ней оставалось решающее слово. В первый год на меня возложили некоторые обязанности. Я должен был рубить дрова, приносить домой охотничью добычу, ходить за водой и выполнять другие поручения, чего от мальчиков моего возраста обычно не требовали. Но моя новая мать всегда относилась ко мне с большой любовью, и я чувствовал себя гораздо более счастливым и довольным, чем в семье Манито-о-гизика. Случалось, что Нет-но-ква наказывала меня, как и других своих детей, но здесь меня никогда не избивали так часто и жестоко, как раньше.

---

³² Так называлась миссия, основанная на южном берегу пролива Мичилимаккинак. Сначала здесь находилась французская фактория, потом форт, наконец, миссия, где осуществлял свою деятельность иезуитский священник Маркет. – *Прим. ред.*

Глава II

Первые охотничьи приключения. – Корь. – Ловушки для куниц. – Переселение на берега реки Ред-Ривер. – Смерть приемного отца и брата. – Прибытие на озеро Виннипег.

В первые весенние дни Нет-но-ква вместе с мужем и всей своей семьей отправилась в Маккинак. Как и в прошлом году, они спрятали меня в Пойнт-Сент-Игнасе, боясь потерять, если в Маккинаке меня увидят белые. На обратном пути, когда мы уже отошли приблизительно на 25—30 миль от Пойнт-Сент-Игнаса, сильный встречный ветер задержал нас у Ме-нау-ко-кинга, узкого мыса, выступающего далеко в озеро. Здесь мы вместе с другими индейцами и купцами разбили лагерь. В лесах водилось много голубей, на которых охотились мальчики моего возраста и купцы. Раньше мне никогда не доводилось убивать дичь и даже из ружья я ни разу не стрелял. В Маккинаке моя мать купила бочонок пороха, и, так как он немного отсырел, его рассыпали для просушки. У Тау-га-ве-нинне был большой пистолет, каким обычно пользуются коноводы; ободренный дружеским обхождением этого индейца, я осмелился попросить у него разрешения настрелять из этого пистолета голубей.

Мать поддержала мою просьбу, [говоря: «Пора тебе быть охотником». Мне дали заряженный пистолет, и сказали, что если удастся застрелить птицу, то дадут ружье и станут учить охоте.

С того времени я возмужал, и несколько раз находился в затруднительном положении, но никогда жажда успеха не была во мне столь пламенна. Едва вышел я из табора, как увидел голубей в близком расстоянии. Я взвел курок и поднял пистолет почти к самому носу; прицелился и выстрелил. В то же время мне послышалось жуужжание, подобное свисту брошенного камня; пистолет полетел через мою голову, а голубь лежал под деревом, на котором сидел.

Не заботясь о моем израненном лице, я побежал в табор с застреленным голубем. Раны мои осмотрели; мне дали ружье, порох и дробь, и позволили стрелять по птицам.]

Один из молодых индейцев сопровождал меня, чтобы присматривать за моими упражнениями в стрельбе. После полудня я убил еще трех голубей, ни разу не промахнувшись. [С той поры стали со мной обходиться с уважением]³³ и мне разрешали часто ходить на охоту, чтобы совершенствоваться в стрельбе.

Прошло лето и значительная часть осени, прежде чем мы вернулись в Шаб-а-ви-ви-а-гун. По возвращении мы обнаружили, что многие индейцы тяжело заболели корью³⁴. Нет-но-ква, зная, что эта болезнь заразна, не хотела подвергать свою семью опасности. Поэтому мы только пересекли деревню и разбили лагерь выше по реке. И все же, несмотря на эту предосторожность, нам не удалось уберечься от заражения. Из десяти членов нашей семьи, включая двух молодых жен Тау-га-ве-нинне³⁵, не заболели только Нет-но-ква и я. Некоторые из них

---

³³ У индейцев уважением пользуется только тот мужчина, который на охоте проявляет особенную ловкость. – Прим. ред.

³⁴ Завезенные белыми болезни – одна из главных причин вымирания индейских племен. Так, оспа, туберкулез, грипп, корь и коклюш скопили в Северной и Южной Америке целые племена. Эти болезни поражают индейцев значительно сильнее, чем белых. Сильные эпидемии оспы (1781/82 и 1801/02 гг.) унесли 50% индейцев северной зоны прерий. В 1830 г. от «лихорадки» погибли 70 тыс. калифорнийских индейцев и большинство вымерших к настоящему времени племен Орегона в бассейне Колумбии. – Прим. ред.

³⁵ Полигамия (многоженство) была довольно широко распространена у индейцев и местами сохранилась поныне. Вот почему, Нет-но-ква, носившая титул «верховного вождя племени оттава», снисходительно относилась к тому, что у, ее мужа было еще две жены. – Прим. ред.

болели очень тяжело, и мы с трудом справлялись с уходом за ними. В деревне многие индейцы умерли от кори, но в нашей семье жертв не было. С приближением зимы наши больные выздоровели и вместе с нами отправились на охотничьи угодья, где мы зимовали в прошлом году.

Здесь я научился ставить ловушки на куниц, как это делали другие охотники. В первый день я вышел спозаранок, работал без передышки и возвратился очень поздно, соорудив всего три ловушки³⁶, тогда как опытный охотник может поставить за день примерно 25—30 ловушек. На следующее утро я обошел все свои ловушки, но нашел только одну куницу. Я каждый день делал ловушки, но не мог добыть столько куниц, сколько приносили другие охотники. Моя неопытность, сочетавшаяся с тщеславием, вызывала насмешки со стороны молодых людей. Наконец отец сжалился надо мной и сказал: «Сын мой, я пойду с тобой и помогу строить ловушки». Он сдержал свое обещание и целый день провел со мной в лесу, делая ловушки; с той поры я ловил не меньше куниц, чем другие. Но молодые люди никогда не упускали случая напомнить мне о помощи отца.

Эта зима ничем не отличалась от предыдущей; но, поскольку я становился все более опытным и удачливым охотником и научился ставить ловушки, от меня уже не требовали больше выполнения женской работы³⁷. Весной Нет-но-ква, как обычно, отправилась в Маккинак, прикрепив флаг на своем каноэ. Мне рассказали, что, когда она прибывала в Маккинак, ее как вождя всегда приветствовали пушечным залпом. К тому времени мне не то уже исполнилось 13 лет, не то шел 13-й год. До отъезда я слышал, как Нет-но-ква говорила, что хочет побывать на реке Ред-Ривер, чтобы повидаться там с родичами мужа. Узнав об этом, многие индейцы из племени оттава решили ее сопровождать. Итак, в путь отправилось шесть каноэ, переполненных индейцами. Среди них находился Ва-ка-зи, вождь деревни Вар-гун-ук-ке-зи, то есть «Кривое Дерево», и другие. Сосна, по которой получила название эта деревня, еще стояла там, когда я впервые ее посетил. Это достопримечательное дерево какой-то индеец потом срубил из озорства.

На сей раз меня не оставили в Пойнт-Сент-Игнасе. Ночью мы высадились на поросший кедрами берег недалеко от Маккинака. Мать привела меня к французскому купцу, которого она достаточно хорошо знала, чтобы доверять, и он спрятал меня на несколько дней в погреб. Обращались там со мной хорошо, хотя выходить не разрешали. Но эта предосторожность оказалась излишней, так как позднее встречный ветер задержал нас у того места, где теперь живут миссионеры, и там я пользовался полной свободой. Во время нашей вынужденной остановки индейцы напились. Мой отец тоже опьянел, но еще держался на ногах. Разговаривая с двумя молодыми индейцами, он схватил одного из них за рукав рубашки и нечаянно его разорвал. Этот юноша, по имени Суг-гут-тоу-гун (Трут), рассердился и сильно толкнул отца, который упал на спину. Тогда Суг-гут-тоу-гун схватил большой камень и, бросив его в отца, угодил тому прямо в лоб. Увидев это, я испугался за свою жизнь, так как знал, что на острове находится Ме-то-соу-гиа, один из вождей оджибвеев, намеревавшийся с группой воинов напасть на белых. Мне было известно также, что он только ищет повод, чтобы убить меня. Вот почему я убежал в лес, где прятался весь следующий день и ночь. Голод заставил меня вернуться к нашим палаткам, прячась под молодыми кедрами, чтобы посмотреть, что там происходит и можно ли спокойно вернуться. Наконец я увидел свою мать, которая звала и искала меня в лесу; я подбежал к ней и она велела мне идти к отцу, лежащему при смерти. Увидев, что я

---

³⁶ Индейцы весьма искусны в устройстве деревянных ловушек самой различной конструкции, причем они не пользовались никакими материалами, завозимыми белыми. — *Прим. ред.*

³⁷ Разделение труда между полами возникло на самой ранней стадии индейской культуры. Выполнение домашних работ возлагалось на женщин и детей. Важной отраслью женского труда в охотничьем хозяйстве была обработка шкур и изготовление одежды и обуви. Женщины устанавливали также палатки и собирали съедобные растения. Мужчины, занимаясь охотой, ставили ловушки, снабжали семью мясом. — *Прим. ред.*

вошел, отец сказал: «Они убили меня»³⁸ и потребовал, чтобы я и другие дети сели около него. Говорил он долго. Помню его слова: «Дети, я уйду от вас, и мне очень грустно, что вы остаетесь в такой бедности». Он не требовал от нас убийства индейца, бросившего в него камень, как сделал бы это другой на его месте. Он был слишком добр, чтобы подвергать свою семью опасности таким приказом.

Вот почему молодой индеец, ранивший отца, остался с нами хотя Нет-но-ква и предупреждала его об опасности угрожавшей ему на реке Ред-Ривер, где у ее мужа много влиятельных родичей, которые захотят отомстить за него. Но отец не умер.

Прибыв в Со-Сент-Мари, мы сложили все вещи в небольшое торговое судно фактории, направлявшееся к северному берегу озера Верхнее, и последовали за ним в наших каноэ. Ветер был попутный; мы двигались быстрее судна и прибыли к портиджу³⁹ на десять дней раньше. Наконец и торговое судно бросило якорь на некотором расстоянии от берега; отец и его два сына, младший, Ва-ме-гон-э-бью (Украшающий Себя Перьями), и старший, Ке-ва-тин (Северный Ветер), перегрузили наши вещи. Спрыгнув в трюм, Ке-ва-тин ударился коленкой об узел веревки, которой был перевязан тюк с товаром, и нанес себе рану; от этого ему не суждено было оправиться. Ночью колено страшно распухло, а на следующий день брат уже не мог выйти из палатки. Через 8—10 дней мы шли по большому волоку, причем брата пришлось нести на плечах, положив его на одеяло, прикрепленное к двум палкам. Но ему было так плохо, что приходилось часто останавливаться, и это нас задерживало. Свои каноэ мы оставили в фактории; и, дойдя до другого конца волока, затратили несколько дней на изготовление небольших лодок⁴⁰. Когда они были уже почти готовы, отец послал меня с одной из своих жен обратно в факторию за какими-то забытыми там вещами. На обратном пути мы встретили двух мальчиков, которые велели нам идти быстрее, ибо отец лежал при смерти и хотел посмотреть на меня в последний раз. Войдя в палатку, я понял, что теперь отец действительно скоро умрет, так как, увидев меня, он не мог произнести ни единого слова. Через несколько минут его дыхание остановилось.

Рядом с отцом лежало его ружье, которое он совсем недавно держал в руках, чтобы застрелить молодого индейца, ранившего его в Маккинаке. Утром, когда я уходил к волоку, он, казалось, чувствовал себя хорошо. Мать рассказала мне, что муж ее стал жаловаться на боль только после полудня. Отец вошел в палатку со словами: «Все же я должен умереть. Но так как я уйду, со мной уйдет и юноша, виновный в моей смерти. Я надеялся прожить достаточно долго, чтобы вырастить из вас мужчин, но приходится умереть, оставляя вас в нищете, и некому будет позаботиться о вас». С этими словами он пошел к выходу, чтобы застрелить молодого человека, сидевшего у входа в свою палатку, но Ке-ва-тин заплакал и проговорил: «Отец, будь я здоров, я помог бы тебе убить этого человека, а после его смерти защитил бы моих младших братьев от мести его друзей; но ты же видишь мое состояние, я тоже скоро умру. Мои братья еще молоды и слабы; если ты прикончишь этого человека, нас всех убьют». Отец ответил: «Сын мой, я слишком сильно тебя люблю, чтобы отказать тебе в какой-либо просьбе». С этими словами он вернулся в палатку, сказал еще несколько фраз, спросил, где я, велел тотчас найти меня и умер.

Мать купила у белых купцов гроб, в котором тело моего отца на повозке доставили к фактории у Большого волока (Гранд-Портидж); там его похоронили на кладбище белых. Покой-

---

³⁸ Для индейского мировоззрения очень характерно, что тяжелобольной или умирающий считает себя уже покойником; как к мертвому относятся к нему и окружающие. — *Прим. ред.*

³⁹ **Портиджом**, или волоком, называют участки реки с перекатами, через которые нельзя пройти на каноэ. Здесь высаживают на берег, освобождают легкие берестяные лодки от груза и переносят их к тому месту, откуда можно продолжать плавание. Груз тоже переносят по суше. Около больших волоков, где индейцы из-за перегрузки задерживались на длительное время, возникли поселки и фактории. В дальнейшем портидж переводится как волок. — *Прим. ред.*

⁴⁰ Индейцы алгонкины необычайно искусны в изготовлении каноэ. — *Прим. ред.*

ного сопровождали двое сыновей и юноша, виновник несчастья. Один из братьев чуть не убил его, но другой перехватил руку, уже занесенную для удара.

Вскоре после смерти отца мы снова двинулись в путь к Ред-Ривер. Брата Ке-ва-тина, как и прежде, несли на носилках, когда приходилось оставлять каноэ. Мы миновали уже два волока и подошли к третьему, называвшемуся Мус, когда Ке-ва-тин сказал нам: «Дальше следовать я не могу. Здесь я умру». Нет-но-ква решила остановиться, а наши спутники тронулись дальше, причем часть нашей семьи тоже примкнула к индейцам, уходившим к Ред-Ривер. В лагере остались только Нет-но-ква, одна из молодых жен Тау-га-ве-нинне, старший брат Ва-ме-гон-э-бью, Ке-ва-тин да я, самый младший из всех. Когда мы остановились на берегу озера Мус, вода которого так же холодна и чиста, как в озере Верхнем, лето было в самом разгаре, ибо ягоды уже поспели. Озеро Мус – маленькое и круглое; как бы далеко ни удалялось каноэ от берега, его всегда было видно. Только двое из нашей группы были в состоянии охотиться. Но я был еще очень молод и у меня не было охотничьего опыта. Вот почему мы боялись, что, оставшись одни, будем нуждаться во всем необходимом. Мы захватили с собой сеть, которой пользовались в Маккинаке. Поставив ее, в первую же ночь поймали около 80 форелей и белой рыбы. Ознакомившись с местностью получше, мы сумели добыть шесть бобров, несколько выдр и виверр [виверра цибетовая (*Castor zibethicus*). – *Ред.*]. Кроме рыбы и дичи, у нас были еще небольшие запасы кукурузы и жира, так что жили мы совсем неплохо. Но когда стали приближаться холода, Нет-но-ква сказала, что зима будет длинной и лютой и что она не рискует остаться здесь, так как поблизости нет ни индейцев, ни белых. Ке-ва-тин совсем расхворался и так ослабел, что мы добирались до волока очень медленно. Когда мы туда прибыли, вода начала уже замерзать. Брат прожил еще один-два месяца после нашего приезда и умер в начале зимы. Старая индианка похоронила его рядом с мужем, повесив над могилой один из своих флагов⁴¹.

С усилением морозов начались лишения. Мы с Ва-ме-гон-э-бью не были в состоянии добывать столько дичи, сколько нам требовалось. Ему исполнилось 17, а мне 13 лет. Между тем дичи там было мало. С каждым днем становилось все холоднее, и мы покинули факторию и поставили нашу палатку в лесу, где было легче раздобыть дрова. Мы с братом делали все что только могли, чтобы не умереть с голоду.

Охотясь, мы уходили обычно за два-три дня пути от стоянки, но часто приносили домой ничтожное количество мяса. На одной из наших охотничьих троп мы соорудили себе из кедровых веток заслон от ветра, за которым так часто разводили огонь, что сильно высушили его; однажды, когда мы спали, заслон загорелся. Пересушенные ветки кедра взрывались, как порох, но, к счастью, мы отделались небольшими ожогами. На обратном пути, еще далеко от лагеря, мы должны были переправиться через реку с таким бурным течением, что вся она никогда не замерзала. Было холодно, деревья трескали от мороза, и все же мы провалились под лед – сначала я, а потом брат. Пытаясь выбраться на льдину, он вымок до нитки, а я промочил только ноги выше колен. Руки у нас так заоченели от холода, что прошло много времени, прежде чем удалось снять лыжи⁴²; к тому же наши мокасины и высокие кожаные гамашы-ногoviцы⁴³ затвердели на морозе, как только мы выбрались из воды. Брат совсем пал духом и заявил, что умрет. Трут мы тоже промочили а поэтому, выйдя наконец на берег, не могли зажечь огонь. Мокасины и ногoviцы так одеревенели на морозе, что мы не могли двигаться; тут и мне стало

⁴¹ Уже упоминавшиеся выше флаги – знаки отличия вождей. Они были введены белыми для знатных предводителей племен, с которыми они вели переговоры и заключали выгодные им сделки. Нет-но-ква, как уже говорилось, была верховным вождем племени оттава. – *Прим. ред.*

⁴² Индейские лыжи-ракетки, по форме напоминающие ракетку, служат не для скольжения, а для хождения по глубокому снегу; их надевают, чтобы не проваливаться в сугробы. У северных племен лыжи приобрели такое важное значение, что можно говорить о своеобразной «лыжной культуре». Сделанная из кедра рама лыж обтягивается сеткой, искусно сплетенной из тонких кожаных полос. – *Прим. ред.*

⁴³ Индейские гамашы-ногoviцы делались из оленьей кожи, иногда украшались кожаной бахромой, вышивкой и бисером. Зимой они предохраняли от холода, а летом от шипов растений и укусов насекомых. – *Прим. ред.*

казаться, что пришел наш последний час. Но я не был похож на своего индейского брата и не хотел покоровшись судьбе ожидать смерти. Я все время старался как можно больше двигаться, а он улегся на сухом месте на берегу, откуда снег сдуло ветром. Наконец мне удалось найти кусочек совсем сухого гнилого дерева, которым я воспользовался как трупом, и, на наше счастье, развел огонь. Мы тотчас занялись оттаиванием и сушкой мокасин, а как только они немного просохли, надели их, чтобы набрать топлива для большого костра. К ночи мы уже развели хороший костер, платье просохло; хотя есть нам было нечего, нас это не беспокоило после тех мучений, которые мы испытали, дрожа от холода. На рассвете мы тронулись в путь и вскоре встретили мать, захватившую с собой сухую одежду и немного пищи. Нет-но-ква ждала нас домой к закату прошедшего дня, но знала, как трудно переправляться через бурную реку. С наступлением темноты она уже не сомневалась в том, что мы провалились под лед. Тогда она собралась в путь, прошла всю ночь и действительно встретила нас недалеко от места происшествия.

Так жили мы в нужде, находясь постоянно на грани голодной смерти, пока наконец в факторию не пришел мужчина из племени маскегов⁴⁴, или болотных индейцев, по прозвищу «Курильщик». Застав нас в столь бедственном положении, он предложил отправиться вместе с ним в его края. Этот индеец обещал добывать для нас дичь, а весной проводить обратно до фактории.

Мы пошли с ним на запад и, затратив на дорогу целых два дня, прибыли в местность, называемую Ве-сау-ко-та-си-би, что означает «река Сожженного Леса», где стоял его шалаш. Он приютил нас под своей крышей, и, пока мы у него оставались, нам не приходилось испытывать нужды. Таков и поныне обычай, распространенный у индейцев, живущих вдали от белых. Но оттава и другие индейцы, осевшие вблизи поселений белых людей, стали на них походить и дают что-либо лишь тем, кто может за это заплатить. Если теперь, когда с той поры прошло много, много лет, кто-нибудь из семьи Нет-но-квы встретит кого-либо из родичей Курильщика, то назовет его братом и будет относиться к нему по-братски.

Едва мы вернулись к волоку, как другой индеец из того же рода маскегов предложил нам отправиться вместе с ним к большому острову на озере Верхнем, где, по его словам, водилось много карibu⁴⁵ и осетров. Он не сомневался, что там ему удастся обеспечить нас всем необходимым. Итак, мы последовали за ним, тронувшись в путь ранним утром, и достигли острова еще до наступления темноты, хотя шли против ветра. На острове в углублениях скал мы нашли так много яиц чаек, что не могли их все собрать. Тотчас после нашего прибытия мы закололи копьем двух-трех осетров, так что действительно голодать не пришлось. На следующий день Ва-ге-ма-вуб, которого мы называли шурином, так как он был дальним родичем Нет-но-квы, пошел на охоту и вечером вернулся с двумя карibu. Нам пришлось идти целый день, чтобы добраться от берега острова до большого озера, в которое впадает маленькая речушка. Здесь мы нашли бобров, выдр и другую дичь. И пока мы жили на острове, у нас всегда было достаточно пищи. Мы встретили здесь родичей Ва-ге-ма-вуба, с которыми пустились в обратный путь к волоку. У них было восемь каноэ, так что вместе с нашими образовалась группа из десяти лодок.

Ночь была тихой, и, когда мы отплывали на рассвете вода была совсем гладкой. Мы уже отошли от берега на 200 ярдов, как вдруг все каноэ остановились, а вождь обратился с призывом к Великому духу, моля его, чтобы он помог нам благополучно пересечь озеро. «Ты создал это озеро, – сказал он, – ты создал нас, твоих детей. В твоей власти успокоить воду и дать нам

---

⁴⁴ «Маскеги» – искаженное маскегон (не смешивать с мускогской семьей языков, к которой принадлежат, например, чоктавы, семинолы и др.). **Маскегоны** – одно из подразделений племени кри, делящегося на равнинных кри и болотных «маскегов». Это название происходит от алгонкинского словосочетания «маскигок», то есть «те, что с болота» («маскег» означает болото). – *Прим. ред.*

⁴⁵ **Карibu** – общее название североамериканских подвидов северного оленя. – *Прим. ред.*

невредимыми переплыть на другую сторону». Так молился он минут пять-десять, а потом бросил в озеро немного табака⁴⁶, и его примеру последовали индейцы, сидевшие в других каноэ. Затем все сразу начали грести, а старый вождь затянул молитвенный гимн, смысл которого я уже точно не помню. К тому времени я позабыл свой родной язык и сохранил весьма смутное представление о религии белых.

Но я хорошо помню, что заклинания вождя, обращенные к Великому духу, произвели на меня глубокое впечатление своей торжественностью. Индейцы тоже, казалось, поддались этому настроению. Ведь находясь на огромном озере в хрупких каноэ из древесной коры, они особенно остро ощущали свою зависимость от силы, управляющей ветром и волнами. Они усердно гребли, сохраняя молчание, и еще до темноты достигли Большого волока, причем озеро все время оставалось спокойным. Я уже пользовался тогда полной свободой, индейцы совсем за мной не следили, и мне было легко оставить их навсегда. Но я полагал, что отец и все мои родные убиты, и к тому же хорошо знал, какая жизнь, полная тяжелого труда и лишений, ждала меня у белых. Ведь у меня не было там ни друзей, ни денег, ни имущества, и я боялся ожидавшей меня крайней нищеты. Между тем я видел, что у индейцев все, кто был слишком молод или слаб, чтобы охотиться самостоятельно, всегда находили себе покровителей. К тому же индейцы стали относиться ко мне с большим уважением, считая как бы человеком своей расы. Поэтому я решил хотя бы на время остаться у них. Но я всегда надеялся, что когда-нибудь вернусь к белым и буду жить среди них.

Итак, мы опять возвратились к волоку, откуда нас дважды увозили гостеприимные маскеги, и должны были решить, что же делать дальше. Наша мать приняла наконец решение осуществить первоначально задуманный поход к реке Ред-Ривер. Но мы узнали от одного купца, что зять Нет-но-квы, отделившийся от нас еще на озере Мус, когда мы остались там с Ке-ва-тином, был убит во время попойки каким-то стариком. Купцы довели вдову до озера Рейни-Лейк, и она просила передать, чтобы мы к ней присоединились. Это сообщение было еще одним поводом поторопиться с отъездом на Ред-Ривер, и мы решили отправиться в путь без промедлений.

Свое каноэ мы до этого сообщения одолжили купцам, которые нагроулили его тюками с товаром и послали на Ред-Ривер. Так как у них было еще несколько лодок, Нет-но-ква попросила посадить в каждую из них по одному-два члена своей семьи до встречи с нашим собственным каноэ. Через пару дней мы встретили французов, плывших на нашем каноэ, но они отказались вернуть нам его. Тогда Нет-но-ква взяла лодки без их согласия, нагроулила нашим имуществом, и мы отправились дальше. Французы не осмелились возражать Нет-но-кве. Мне никогда не приходилось встречать среди индейцев другого человека, будь то мужчина или женщина, который пользовался бы таким авторитетом, как Нет-но-ква. Она делала все что хотела как с белыми купцами, так и с индейцами. Объяснялось это, вероятно, тем, что она всегда поступала правильно и справедливо.

Прибыв к Рейни-Лейк, мы нашли там дочь старой индианки у приютивших ее людей, но она была в весьма плачевном состоянии. Нет-но-ква долго обсуждала с ней положение, в каком оказалась наша семья, рассказала о наших несчастьях и потерях, о смерти мужа и сына. Говорила мать и о том, что оба оставшихся в живых сына еще очень молоды, но уже кое на что годятся, и поскольку она проделала такой долгий путь на Ред-Ривер для охоты на бобров, то отнюдь не намерена возвращаться назад. Мы с братом слушали этот разговор с большим интересом, хотя нашего мнения никто не спрашивал.

---

⁴⁶ Обычай принесения табака в жертву могучим духам до настоящего времени широко распространен среди индейцев. Курение знаменитой трубки мира калумет имеет также религиозное значение, подчеркивая торжественность церемонии. — *Прим. ред.*

Поскольку было решено идти к реке Ред-Ривер, мы продолжили наше путешествие к Лесному озеру, которое индейцы называют озером Песчаных Холмов. Почему белые именуют его Лесным, я не понимаю, ведь там не так уж много леса. На озере дули сильные ветры, и волны так захлестывали наш каноэ, что я с трудом успевал вычерпывать воду большим котелком.

К осени мы прибыли к озеру Грязной Воды, которое белые называют Виннипег⁴⁷. Здесь старая Нет-но-ква, отступив от своих правил, вдруг запила, видимо подавленная горем, лишениями и потерей близких людей, после того как она покинула родной кров. Она быстро захмелела.

Несмотря на поднявшийся сильный ветер, мы по своей неопытности и наивности решили отнести старую женщину в каноэ и перебраться с ней на другой берег. Торговцы говорили нам, что ветер будет неблагоприятным, но мы не обратили на это внимание и пустились в плавание. Так как ветер дул с берега, то около него озеро было сравнительно спокойным, но стоило нам отойти немного дальше, как волны с огромной силой начали бить в каноэ. Мы поняли, что поворачивать лодку и возвращаться опаснее, чем плыть прямо по ветру. Между тем солнце зашло и ветер усилился. Считая себя погибшими, мы расплакались.

Тут старая индианка вдруг протрезвилась, сразу поняла опасность нашего положения, вскочила и прежде всего обратилась к Великому духу с громкой проникновенной молитвой; после этого она с поразительной энергией взялась за весло, ободрила нас и показала Ва-ме-гон-э-бью, как нужно править лодкою. Но когда мы уже подходили к берегу и Нет-но-ква узнала место, к которому приближалась лодка, она пришла в ужас: «Дети, нам в самом деле суждено погибнуть. У этого берега много больших скал, скрытых под водой, и наше каноэ разобьется в щепки. Но нам ничего не остается, как править прямо на берег. И хотя мы не различаем скал, все же нам, возможно, удастся пройти между ними». Так и случилось. Наше каноэ выбросило на песчаную отмель. Мы тотчас выскочили и вытащили лодку на берег подальше от набегавших волн. Едва успев разбить палатку и разжечь костер, мы начали шутить над опьянением Нет-но-квы и ее волнением, когда она протрезвилась. Утром мы убедились, что берег был именно таким, каким его описала Нет-но-ква, и что в полной темноте мы пристали в таком месте, куда даже при дневном свете не рискнул бы подойти ни один индеец. Большую часть следующего дня, а он выдался солнечным и безветренным, мы затратили на то, чтобы просушить вещи, и только вечером поплыли дальше к устью Ред-Ривер. Добрались мы туда поздно ночью и, заметив поблизости шалаш, пристали к берегу и улеглись, не зажигая огня и стараясь не шуметь. Нам не хотелось потревожить людей, о которых мы к тому же ничего не знали. Утром они первыми разбудили нас. Оказалось, что это семья одного из братьев Тау-га-ве-нинне, то есть именно те родичи, с которыми мы хотели встретиться.

---

⁴⁷ Название «Виннипег» произошло от алгонкинского слова «оуинипег», что означает «грязная» или «вонючая вода». Так индейцы называют Соленую морскую воду (в отличие от пресной озерной). Поселившиеся вокруг озера Виннипег оуинипеги (в настоящее время называемые виннебаго) пришли сюда с морского побережья, и поэтому соседи прозвали их «людьми вонючей воды». Позднее и озеро получило это название. – *Прим. ред.*

Глава III

Дружелюбный прием у индейцев на реке Ассинибойн. – Волок Прерий. – Сон Нет-но-квы сбывается. – Встреча с Пе-шау-бой – выдающимся воином племени оттава. – Путешествие в Кау- вау-кoning и пребывание там. – Возвращение на озеро Верхнее. – Военный поход против миннетауков. – Приключение в устье реки Ассинибойн.

Через несколько дней мы все вместе стали подниматься вверх по течению Ред-Ривер и через два дня достигли устья реки Ассинибойн, где разбили свои стойбища индейцы оджибвеи и оттава. Тотчас после нашего прибытия собрался совет вождей, чтобы обсудить наше положение и решить, как обеспечить нам пропитание. «Эти наши родичи, – сказал один из вождей, – прибыли издалека. Два мальчика не в состоянии обеспечить пищей всю семью, а нам не к лицу, чтобы, живя с нами, они терпели нужду». Воины один за другим изъявляли готовность охотиться для нас; раз наши охотники погибли в пути, а мы прибыли сюда промышлять бобров, было решено, что каждый из них будет давать нам часть своей охотничьей добычи. Сообща мы отправились вверх по реке Ассинибойн и в первую же ночь достигли местности, где водились бизоны.

Утром мне позволили присоединиться к группе индейцев, уходивших на охоту. Мы встретили четырех самцов и застрелили одного из них. Десять дней мы поднимались вверх по реке Ассинибойн, и по пути мы убили много медведей. Ассинибойн – широкая, мелкая и извилистая река; вода в ней такая же мутная, как и в Ред-Ривер, но дно песчаное, а не илистое. Целью нашего плаванья была местность, находившаяся в 70 милях от устья реки Ассинибойн, если идти по суше. Но водный путь был значительно длиннее. Берега по обе стороны реки поросли тополем, каштанолистным дубом и другими довольно высокими деревьями.

Но прерия раскинулась совсем недалеко от реки, а местами подступает к ее берегам. Местность, где мы остановились, называется волоком Прерий [Портидж-ла-Прейри]. Индейцы посоветовали сопровождавшему нас купцу построить у волока дом и зазимовать в нем.

Мы оставили тут свои каноэ и рассеялись по прериям, чтобы охотиться на бобров среди многочисленных речушек. Брату Ва-ме-гон-э-бю и мне индейцы отвели небольшой ручей, где водилось много бобров, и здесь, кроме нас, никто не мог промышлять. Мать дала мне три капкана⁴⁸ и показала, как нужно настораживать их с помощью бечевки, привязанной к пружине; ведь натягивать пружину руками, как это делают взрослые индейцы, мне было еще не под силу. Я поставил эти три капкана и на следующее утро обнаружил в них двух бобров. Но вынимать добычу я еще не умел, и пришлось тащить бобров домой на спине вместе с капканами; старуха пришла мне на помощь, как всегда гордясь мною и радуясь моему успеху. Приемная мать всегда относилась ко мне хорошо и часто становилась на мою сторону, если индейцы оскорбляли или высмеивали меня.

Мы провели там приблизительно три месяца и жили не хуже своих соседей по лагерю; ведь, если нам не хватало собственноручно убитой дичи, наши друзья непременно делились с нами всем, что им удавалось раздобыть. Оставшиеся с нами на зиму охотники занимали два

---

⁴⁸ Здесь речь идет уже о стальных капканах, вымышленных у белых торговцев. – *Прим. ред.*

шалаша, в третьем жила наша семья. Позднее к нам присоединились индейцы кри, расселившиеся в четырех шалашах. Кри родственны оджибвеям и оттава, но язык у них несколько отличный, и мы не сразу научились их понимать. Страна этих индейцев граничит с землей ассинибойнов, или «камневарщиков», и хотя кри не связаны с ними родственными узами и не объединены союзом, оба племени обычно живут мирно и до некоторой степени уже смешались. *[Дичь становилась редка; толпа наша (отряд охотников с женами и детьми) голодала. Предводитель наш]* по имени Ас-син-ни-бой-найнси (Маленький Камневарщик) *[советовал перенести табор на другое место. Накануне назначенного дня для похода мать моя долго говорила о наших неудачах и об ужасной скудости, нас постигшей. Я лег спать]* в обычное время, когда укладывалось все молодое поколение нашей семьи; *[но ее песни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.*

На другой день, рано утром, она разбудила нас; велела обуваться и быть готовым в поход. Потом призвала своего сына Уа-ме-гон-е-бью, и сказала ему: «Сын мой, в нынешнюю ночь я молилась великому духу. Он явился мне в образе человеческом и сказал: Нет-но-куа! завтра будет вам медведь для обеда. Вы встретите на пути вашем (по такому-то направлению) круглую долину и на долине тропинку: медведь находится на той тропинке».] Теперь я прошу тебя, сын мой, не говоря никому ни слова, пойти туда, и ты обязательно найдешь медведя, о котором я рассказывала.

[Но молодой человек, не всегда уважавший слова своей матери, вышел из хижины и рассказал сон ее другим индейцам. «Старуха уверяет, – сказал он смеясь, – что мы сегодня будем есть медведя; но не знаю, кто-то его убьет». Нет-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медведя.

Мы пошли в поход. Мужчины шли вперед и несли наши пожитки. Пришед на место, они отправились на ловлю, а дети остались стеречь поклажу до прибытия женщин. Я был тут же: ружье было при мне. Я всё думал о том, что говорила старуха, и решился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядил ружье пулей и, не говоря никому ни слова, воротился назад.] Здесь я встретил жену одного из братьев Тау-га-ве-нинне, считавшуюся, разумеется, моей теткой. Эта женщина нас недолюбливала, считая обузой на шее своего мужа, иногда приходившего нам на помощь, надо мной же она часто потешалась. Индианка тотчас спросила, что я здесь делаю и уж не захватил ли ружья, чтобы уложить нескольких индейцев. Я не ответил ей, так как мне показалось, что я попал как раз на то место, где мать велела Ваме-гон-э-бью сойти с тропы. Тогда, свернув в сторону, я пошел, точно следуя ее указаниям.

[Я прибыл к одному месту, где, вероятно, некогда находился пруд, и увидел круглое, малое пространство посреди леса. Вот, – подумал я, – долина, назначенная старухой. Вскоре нашел род тропинки, вероятно, русло иссохшего ручейка. Все покрыто было глубоким снегом.

Мать рассказывала также, что во сне видела она дым на том месте, где находился медведь. Я был уверен, что нашел долину, ею описанную, и долго ждал появления дыма. Однако ж дым не показывался. Наскуча напрасным ожиданием, сделал я несколько шагов там, где, казалось, шла тропинка, и вдруг увяз по пояс в снегу.

Выкарабкавшись проворно, прошел я еще несколько шагов, как вспомнил вдруг рассказы индейцев о медведях, и мне пришло в голову, что, может быть, место, куда я провалился, была медвежья берлога. Я воротился и во глубине впадины увидел голову медведя; приставил ему дуло ружья между глазами и выстрелил. Коль скоро дым разошелся, я взял палку и несколько раз воткнул ее конец в глаза и рану; потом, удостоверясь, что медведь убит, стал его тащить из берлоги, но не смог, и возвратился в табор по своим следам.]

Придя в лагерь, где женщины уже поставили палатки, я опять встретил свою тетку, и она тотчас принялась надо мной издеваться. «Уж не застрелил ли ты медведя, что-то больно быстро вернулся и так спешишь?» – «Откуда она узнала, что мне удалось убить медведя?» – подумал я, но молча прошел мимо.

[Вошел в шалаши моей матери. Старуха сказала мне: «Сын мой, вынь из котла кусок бобрового мяса, которое мне дали сегодня; да оставь половину брату, который с охоты еще не воротился и сегодня ничего не ел...» Я съел свой кусок и, видя, что старуха одна, подошел к ней и сказал ей на ухо: «Мать! я убил медведя!» – Что ты говоришь? – «Я убил медведя!» – Точно ли он убит? – «Точно». – Она несколько времени глядела на меня неподвижно; потом обняла меня с нежностью и долго ласкала.] Я рассказал ей, как дразнила меня тетка; ее муж, вернувшись, узнал обо всем и не только отругал, но и сильно побил жену. [Пошли за убитым медведем; и как это был еще первый, то, по обычаю индейцев, его изжарили цельного, и все охотники приглашены были съесть его вместе с нами.]⁴⁹ В тот же день индеец кри убил еще одного медведя и лося и отдал моей матери добрую часть своей добычи. Некоторое время в нашем лагере было действительно много мяса; Ва-ме-гон-э-быю тоже застрелил здесь своего первого бизона, и по этому поводу мать устроила большой пир, созвав на него всех, кто был с нами.

Индейцы кри вскоре покинули нас, чтобы вернуться в свою страну. Они оказались услужливыми, гостеприимными спутниками, и нам было тяжело с ними расставаться. Но вскоре и мы пошли к тому месту, где остался торговец, и прибыли туда в последний день декабря. Я это хорошо помню, так как на следующий день наступил Новый год.

Некоторое время мы жили одни недалеко от фактории, пока торговец не послал за нами. У него мы встретили Пе-шау-бу, прославленного военного вождя племени оттава. Он несколько лет назад прибыл в эту местность с озера Гурон. До него дошли слухи о старухе оттава, потерявшей всех взрослых мужчин и жившей в большой нужде с тремя маленькими детьми и двумя мальчиками на реке Ассинибойн. И вождь пришел к нам вместе с тремя своими товарищами. Спутников вождя индейцы обычно называют «молодыми людьми», хотя один из них был старше самого Пе-шау-бы. Звали их Ваус-со (Молния), Саг-гит-то (Тот, Кого Все Боятся), Са-нинг-вуб (Расправляющий Крылья). Самый старший, Ваус-со, тоже был прославленным воином, но по дороге он заболел, и его оставили где-то неподалеку. Разыскивая нас, Пе-шау-ба следовал за нами с одного места на другое, расспрашивая индейцев, и наконец нашел нас вблизи волока Прерий. Это был высокий, очень красивый старик; и когда мы к нему пришли, он тотчас узнал в Нет-но-кве свою родственницу. Потом вождь взглянул на нас и спросил: «А это кто?» Старуха ответила: «Это мои сыновья». Пе-шау-ба очень внимательно посмотрел на меня и сказал: «Подойди ко мне, брат мой». Затем, приподняв угол одеяла, накинутого на плечи, он показал шрам от глубокой опасной раны на своей груди. «Помнишь ли ты, мой юный брат, как мы играли с тобой копьями и ружьями и ты нанес мне эту рану?» Видя, что я смутился, старик продолжал забавляться, описывая обстоятельства, при которых была получена рана. Наконец он избавил меня от страха и неловкости, заявив, что ранил его, собственно, не я, а один из моих братьев, и сказал, где это случилось. Старый вождь вспомнил о Ке-ва-тине, который, если бы не умер, был бы примерно моего возраста, и особенно интересовался подробностями моего похищения, происшедшего после его ухода с озера Гурон.

Воротились мы после Нового года и вскоре последовали за Пе-шау-бой в его далекую страну. Снег был очень глубоким, а наш путь проходил большей частью по открытой прерии; поэтому при сильном ветре мы вообще не передвигались. В путь мы тронулись голодными и без припасов, но вскоре стали попадаться стада жирных и крупных бизонов. Глубокий снег и сильная стужа не мешали бизонам находить корм: разгребая головой снег, они добивались до травы.

---

⁴⁹ Первый убитый медведь – важнейшее событие в жизни индейского юноши. У многих алгонкинских племен с этого момента индеец считается совершеннолетним и к нему начинают относиться с уважением, как к взрослому охотнику. У индейцев медведь окружен ореолом мистического почитания; в честь убитого зверя даже совершается особый обряд, напоминающий медвежий праздник у народов Сибири. – *Прим. ред.*

Сплетенные из камыша циновки «пук-кви»⁵⁰ мы бросили, ведь путь был слишком долгим, чтобы тащить их с собой. В плохую погоду мы сооружали шалаши и покрывали их тремя-четырьмя свежими бизоньими шкурами, которые быстро замерзали и хорошо защищали нас от ветра и снега. Когда ветра не было, мы спали просто под одеялами. Всю дорогу Пе-шау-ба и Са-нинг-вуб несли на спине двух маленьких детей моей сестры. Так мы шли два с половиной месяца, хотя и старались идти быстрее, когда позволяла погода. Примерно на половине пути мы миновали факторию и форт, расположенные у Маус-Ривер. Путь мы держали в основном на северо-запад и наконец достигли местности, носящей название Кау-вау-ко-минг-Сах-кие-гун (озеро Прозрачной Воды – Клируотер). В это озеро впадает речонка Малый Саскачеван (Быстрая Вода). Но это не исток и не приток Саскачевана, протекающего гораздо севернее. Впрочем, озеро Прозрачной Воды не главный исток маленькой речки, берущей начало далеко на севере. На ее берегу стояла бревенчатая хижина, которая уже несколько лет служила приютом для Пе-шау-бы и его спутников. Жену свою вождь оставил на озере Гурон; не знаю, были ли женаты другие индейцы, но женщин с ними тоже не было. Как только мы пришли на месте, Пе-шау-ба открыл свой тайник и достал оттуда много бобровых шкурок, вяленое мясо, выделанные кожи и другие вещи. Все это он передал женщинам со словами: «Мы слишком долго сами о себе заботились, оставшись без скво; но теперь это должно кончиться. Отныне ваше дело выделывать добытые нами шкуры, вялить мясо, шить мокасины и выполнять другую женскую работу». Нет-но-ква взяла на себя заботу об имуществе Пе-шау-бы, которого называла своим братом и всячески опекала. Ее дочь и невестка заботились о трех других мужчинах. За Ва-ме-гон-э-бью и за мной мать продолжала ухаживать с особенной любовью. На охоте я сопровождал Пе-шау-бу, который всегда обращался со мной очень ласково; казалось, ему доставляет большое удовольствие учить меня всему, что нужно знать хорошему охотнику. Зима подходила уже к концу, когда мы прибыли к озеру Прозрачной Воды, но еще держались сильные холода: вода, вынесенная из палатки, тотчас замерзала. На охоту мы отправлялись задолго до восхода солнца и возвращались с наступлением темноты. В полдень солнце едва освещало верхушки деревьев, хотя они там очень низкие.

Местность, куда мы пришли, была прерией, среди которой росли невысокие кедры и сосны. Но бобры и другая дичь водились здесь в изобилии. Отсюда было недалеко до страны манданов на берегу Миссури. От реки Маус-Ривер до ближайшего поселения манданов мужчина может дойти пешком за четыре дня.

Весной, перед тем как распуститься листве, мы, забрав все свои меха, огромное количество вяленого мяса и высушенные бобровые хвосты⁵¹, поплыли к фактории на реке Маус-Ривер. В нашей местности не росли ни береза, ни кедр, из коры которых можно было бы изготовить каноэ. Поэтому для нашего путешествия пришлось сшить лодку из свежих лосевых шкур. Если эти шкуры тщательно сшить, натянуть на рамы соответствующих размеров и высушить, то получится крепкая, устойчивая лодка⁵². Но в теплую погоду она быстро дает течь. В одну из таких лодок, грузоподъемность которой наполовину меньше, чем у обычного макки-накского каноэ (около пяти тонн), мы погрузили все свое имущество, ибо Нет-но-ква и Пе-шау-ба решили вернуться к озеру Гурон. Несколько дней мы плыли по Малому Саскачевану. На пути нам встретилась деревня ассинибойнов, где мы ненадолго остановились. Никто из нас

---

⁵⁰ Циновки, которыми оджибвеи покрывали остов своих палаток, так называемых вигвамов. – *Прим. ред.*

⁵¹ Плоский и жирный бобровый хвост – любимейшее лакомство индейцев. При расчетах за оказанные услуги (например, с шаманом) и покупке ценных товаров заменяет деньги. В высушенном виде бобровый хвост выдерживает длительное хранение, а по питательности и вкусовым качествам напоминает шпиг. – *Прим. ред.*

⁵² Лодка из натянутых на раму шкур (так называемая *bull boat*) первоначально была для северных охотников прерий предметом, чуждым их культуре. Вероятно, друзья Теннера заимствовали секрет изготовления такой лодки у манданов, использовавших для этого шкуры бизонов. Подобными лодками пользуются обычно для переправы через реки; для длительного плавания они почти не пригодны. Из текста видно, что к такой лодке индейцам пришлось прибегнуть за неимением дерева. – *Прим. ред.*

не понимал ассинибойнов, за исключением Ваус-со, где-то научившегося их языку. Повернув из Малого Саскачевана в реку Ассинибойн, мы вскоре достигли порогов. Здесь стояло поселение ассинибойнов и нескольких кри, состоявшее из 120 шалашей. Нуждаясь в свежей пище, мы решили затратить денек-другой на ловлю осетров, которые водились здесь в изобилии. Разбив свой лагерь возле деревни, мы увидели, как старик отрезал кусок головы у только что вытасченного из воды осетра и ел сырую, ничем не сдобренную рыбу⁵³. Вообще эти люди показались нам неопрятными и грубыми. Но, возможно, наше предубеждение объяснялось тем, что между оджибвеями и аббвой-нугами (то есть «копильщиками на вертеле», так как люди этого племени жарят мясо, надев его на палку) давно существует неприязнь. Миновав пороги, мы за два дня добрались до реки Монк-Ривер, где у «Северо-Западной компании» и «Компании Гудзонова залива» было по одной фактории. Пе-шау-ба и его друзья начали здесь пьянствовать и вскоре промотали все меха, с таким трудом добытые за долгие дни удачной охоты. Однажды мы обменяли на спиртные напитки 100 бобровых шкурок. Кварта рома стоила 6 бобровых шкурок, причем торговцы добавляли в него много воды⁵⁴.

Пропьянствовав несколько дней, мужчины принялись за изготовление каноэ из древесной коры и все еще намеревались продолжить путь. Но как раз в это время собрались ассинибойны, кри и другие индейцы этой местности. Они заключили мир с манданами, и те предложили им объединиться для военного похода против племени, которое оджибвеи называют агуч-а-нинне. Эти индейцы жили в двух днях пути от деревни манданов. Услышав эту новость, Ваус-со тотчас решил присоединиться к воинам, собравшимся на берегу Маус-Ривер. «Я не желаю, – заявил он, – возвращаться на родину без новых шрамов. Мне не терпится повстречаться с людьми, убившими моих братьев». Пе-шау-ба и Нет-но-ква пытались уговорить его отказаться от своего намерения, но безуспешно. Наконец и сам Пе-шау-ба стал проявлять признаки задора, заразившись азартом своих товарищей. Посоветовавшись с ними денек-другой, он заявил старой индианке: «Без Ваус-со я не могу возвратиться в страну оттава. Са-нинг-вуб и Саг-гит-то тоже хотят идти с ним к соседям майданов, и я к ним присоединяюсь. Ждите меня у озера Виннипег, осенью я там буду, да не забудьте запастись бочонком рома, ибо по возвращении меня будет мучить сильная жажда».

Бросив незаконченные каноэ, мужчины ушли, чтобы присоединиться к военному отряду. Ва-ме-гон-э-бью отправился с ними, оставив меня одного с тремя женщинами и тремя детьми. Но военный поход, для которого манданы вербовали себе в помощь людей из самых отдаленных местностей, не состоялся из-за несогласия между отдельными отрядами. Одни участники военного похода были исконными врагами других, что часто приводило к ссорам, и от задуманного предприятия пришлось в конце концов отказаться. А-гуч-а-нинне оставили в покое.

Когда мужчины ушли, мы с Нет-но-квой и всеми оставшимися с нами членами семьи начали собираться в путь к озеру Виннипег. Ни одно каноэ из древесной коры не было закончено, и нам пришлось довольствоваться старой лодкой из лосевых шкур, так как никому не хотелось оставаться дольше на реке Маус-Ривер. Едва мы отошли от фактории, как увидели осетра, по какой-то случайности заплывшего в такое мелководье, что над водой виднелась часть его спины. Я выскочил из каноэ и без особого труда убил рыбу. То был первый пойманный мной осетр, и старая индианка решила по этому поводу отметить Праздник первых плодов (Оскенетахгавин), хотя мы были одни и не могли пригласить гостей для участия в пиршестве.

Устье Ассинибойна – опасное место. Его часто посещают военные отряды сиу, они устраивают здесь засаду и из-за прикрытия стреляют в проплывающих мимо людей. Мы опасались

---

⁵³ Есть сырую рыбу индейцы считают варварством и смеются над теми, кто это делает. Эскимосы, называющие себя «иннуитами», что значит «люди», обязаны своим прозвищем этой привычке. Слово «эскимос» произошло от «ашкимек», что на языке оджибвеев значит «сыроед». – *Прим. ред.*

⁵⁴ Такую цену нельзя назвать иначе, как грабежом, ведь даже в те времена хорошая бобровая шкурка стоила на рынке 10 долларов. – *Прим. ред.*

приблизиться к устью до наступления темноты, решив пройти его поздно ночью. Вот почему мы подошли к этому месту уже после полуночи; осторожно, не приближаясь к берегам и стараясь не производить шума, мы вошли в Ред-Ривер. Ночная темнота скрывала от нас берега. Но едва мы оказались на Ред-Ривер, как тишину нарушил крик совы, донесшийся с левого берега Ассинибойна. Тотчас раздался ответный крик с правого берега, а за ним третий – уже с берега реки Ред-Ривер против устья. Нет-но-ква чуть слышно прошептала мне: «Нас заметили» – и приказала грести как можно тише. Мы послушно выполнили ее указание и гребли очень осторожно, стараясь держаться посередине реки. Я сидел на носу, почти не высывая головы, и внимательно смотрел на поверхность воды, чтобы вовремя заметить приближающееся каноэ или другой предмет. Вдруг я увидел легкую рябь на воде, а затем что-то темное и низкое. Мне показалось, что это голова мужчины, осторожно плывшего нам наперерез. Я обратил на это внимание матери, и мы тотчас решили, что человека в воде нужно догнать и, если удастся, убить. Мать подала мне тяжелое копье, которым бьют осетров, и мы устремились в погоню. Но гусь (так как это был гусь с целым выводком птенцов) испугался и улетел. Когда мы поняли свою ошибку, страх наш ослабел, однако мы еще не отваживались повернуть лодку и продолжить путешествие. В ту ночь я рассердился на женщин за их беспричинный страх, но теперь я не совсем уверен, действительно ли нас напугали совы, а не воины сиу. Мы прошли несколько миль назад по той же реке, чтобы дожидаться торговцев, которые на десять дней позже нас должны были отправиться на Ред-Ривер. Здесь мы наловили много молодых гусей, лебедей и уток. Мне удалось убить своего первого лося, что дало повод устроить еще один большой пир, на котором и на этот раз никого не было, кроме членов нашей семьи.

Торговцы прибыли в тот день, когда их ждали, и мы отправились с ними к фактории на озере Виннипег, где прожили около двух месяцев. Позднее они пустились в обратный путь на Ассинибойн, а мы сопровождали их в купленном нами каноэ из древесной коры. Для оплаты товаров белых торговцев у нас было много бобровых шкурок, а Нет-но-ква не забыла наказа Пе-шау-бы и везла с собой боченок рома. Боченок вмещал примерно шесть галлонов, и за каждую кварту мы отдали по шести бобровых шкурок. Много шкурок добыл я сам. Только за один месяц я поймал 100 бобров, но их настоящей цены еще не знал.

Глава IV

Охота на лося. – Охота на бобров и бизонов. – Как опасно убивать бизонью матку. – Индейцы, живущие у водопадов. – Возвращение к озеру Рейни- Лейк. – Болотная река и волок у нее. – Река и озеро Бегвионуско. – Честность и порядочность индейцев. – Гостеприимство. – Голод. – Ред-Ривер. – Потеря мехов. – Алчность торговцев «Северо-Западной компании». – Беда, постигшая нас после потери мехов.

У реки Ассинибойн, примерно в двух-трех днях пути вверх по течению от волока Прерий, есть место, носящее название Ке-ню-кау-неше-вай-боант (Где они сбрасывают серого орла); индейцы часто там останавливаются. Проплывая мимо, мы увидели несколько воткну-тых в землю небольших палочек с прикрепленными к ним кусочками бересты; на бересте были нацарапаны изображения медведей и других животных⁵⁵. Нет-но-ква тотчас узнала тотемы Пе-шау-бы, Ваус-со и их спутников. Несомненно, свои знаки они поставили на этом перекрестке, чтобы дать нам понять, что Пе-шау-ба был здесь и приглашал следовать за ним. Поэтому мы расстались с торговцами, пошли в направлении, указанном Пе-шау-бой, и в двух днях пути от реки встретились со старым вождем и его товарищами. Возвратившись из неудавшегося военного похода к фактории на реке Маус-Ривер, они доделали брошенные там каноэ и поплыли вниз к местности Ке-ню-кау-неше-вай-боант. Здесь они решили задержаться, зная, что эти края богаты дичью. В их лагере мы нашли большие запасы дичи; кроме того, они добыли много бобров. Но в этой местности в изобилии водились также лоси, у которых как раз наступил период течки. Помнится, Пе-шау-ба послал меня как-то вместе с двумя молодыми женщинами за мясом убитого им поблизости лося. Животное было крупным и жирным, так что женщины решили остаться у туши и провялить мясо, прежде чем отнести его в лагерь. Я же взвалил на спину часть свежего мяса и пошел обратно. У меня было с собой ружье и, обнаружив множество лосей, я зарядил его, спрятался в кустах и начал подражать мычанию самки. Огромный лось незамедлил примчаться прямо к тому месту, где я притаился; он бежал так стремительно, что я даже испугался, как бы он меня не смял. Я бросил свой груз и пустился наутек. Увидев меня, лось повернул назад и побежал в противоположном направлении.

Вспомнив о том, что индейцы поднимут меня на смех, если узнают об этом приключении, я твердо решил сделать еще одну попытку и на сей раз не поддаваться страху за собственную шкуру, чтобы добиться удачи. Итак, я снова спрятался, выбрав место поудобнее, и несколько раз повторил свой призывный крик, пока не явился другой самец, которого я и убил. Все это заняло большую часть дня, и я спохватился, что пора возвращаться домой.

Между тем мое длительное отсутствие встревожило старую индианку, и она послала Вам-гон-э-бью на поиски. Тот увидел меня, когда я выходил из леса в открытую прерию. На брате была черная накидка, и, заметив меня, он натянул ее на голову, чтобы походить на мед-

---

⁵⁵ Подобные палочки с нацарапанными на них изображениями или только с надрезами играют очень важную роль в жизни индейцев как единственно доступный для них способ передать важное сообщение или просить о помощи в случае болезни или другого несчастья. Обычай обязывает индейца, увидевшего такой знак, тотчас оказать помощь, даже если о ней просит враг. Если он нарушит обычай, его никто не поддержит в несчастье. – *Прим. ред.*

ведя. Сначала я принял его за обычного черного медведя и хотел прицелиться. Но меня удержало от выстрела то соображение, что зверь тоже должен был меня заметить, а я знал, что обычный медведь убегает при виде человека. Этот же продолжал идти прямо на меня, из чего я заключил, что встретился с гризли. Тогда я повернул назад и пустился наутек. Но чем быстрее я бежал, тем быстрее, как мне казалось, он нагонял меня. Несмотря на сильный испуг, я все же вспомнил совет Пе-шау-бы ни в коем случае не стрелять в гризли, если поблизости нет дерева, на которое можно было бы взобраться. Кроме того, охотник, преследуемый гризли, должен стрелять в него только на очень близком расстоянии. Я трижды оборачивался и поднимал ружье для выстрела, но, считая, что медведь еще слишком далеко, продолжал свой бег. Должно быть, у меня от страха в глазах потемнело, иначе я увидел бы, что это не медведь. Наконец мне удалось благодаря быстрому бегу вырваться на тропинку, ведущую к палатке. Тут я пустился во весь дух и вдруг услышал голос Ва-ме-гон-э-бью. Напрасно я, оглядываясь, искал медведя. Наконец ему удалось убедить меня, что это он подшутил надо мной, изображая зверя с помощью старой черной накидки. Придя домой, мы рассказали о случившемся старикам, которые отругали Ва-ме-гон-э-бью. Мать сказала, что если бы я застрелил его, обманутый маскировкой, то по законам индейцев мой поступок не считался бы преступлением.

Мы прожили здесь еще некоторое время, промышляя бобров, которых убивали в большом количестве. Когда же лед стал слишком толстым, мы переселились в прерию для охоты на бизонов. Как только снег затвердел, мужчины заявили, что оставят меня с женщинами, а сами пойдут к озеру Прозрачной Воды, чтобы изготовить там каноэ, и по пути будут промышлять бобров. Но, прежде чем отправиться в путь, они обещали обеспечить нас дичью, чтобы мы не голодали во время их отсутствия. Ваус-со, который был искусным охотником, ушел на промысел и застрелил одного бизона. А ночью мороз покрепчал и поднялся сильный ветер; бизоны, спасаясь от непогоды, укрылись в лесах, окружавших наш лагерь. Рано утром Нет-но-ква разбудила нас и сообщила, что недалеко от нашей палатки пасется большое стадо. Пе-шау-ба вместе с Ваус-со, Ва-ме-гон-э-бью, Са-нинг-вубом и Саг-гит-то подползли к стаду и разместились так, что почти его окружили. Мне они не позволили участвовать в охоте и начали смеяться, увидев, что я тоже заряжаю ружье. Но старая Нет-но-ква, всегда принимавшая мою сторону, дала охотникам уйти и повела меня к одному месту вблизи лагеря, где, как подсказывал ей опыт, стадо должно было прорваться. Индейцы открыли стрельбу, но не убили ни одного бизона. Стадо пронеслось мимо того места, где я стоял, и мне посчастливилось, к большой радости матери, первый раз в жизни подстрелить крупную самку.

Вскоре после этого индейцы, настреляв довольно много бизонов, тронулись в путь. Мы остались вшестером: старуха, одна из молодых женщин, я и трое детей. Кроме меня, не было никого, кто мог бы добывать пищу, а я был тогда еще очень молод. Мы навялили порядочное количество мяса, оставленного нам индейцами, и это некоторое время поддерживало наши силы. Вскоре я понял, что в состоянии сам охотиться на бизонов, и мы еще долго не нуждались в пище. Однажды на меня напала раненая старая самка, хотя у нее и не было теленка. Нападение было столь стремительным, что я едва успел спастись, забравшись на дерево. Ее привела в ярость не столько полученная рана, сколько преследование собак. Самка бизона, по-моему, очень редко нападает на человека, она отваживается на это только в тех случаях, когда собаки слишком ей досаждают.

Этой весной мы варили кленовый сахар в 10 милях к северу от форта на берегу Маус-Ривер. Там я едва не попал в беду, когда лед начал таять. С наступлением тепла бобры начали выползать на лед из полыньей, а иногда выходили на сушу. Обычно я подстерегал бобров, лежа у какой-нибудь полыньи, и стрелял в них, как только они выныривали на поверхность. Однажды не успел я добыть таким способом одного зверька, как лед подо мной проломился. Лыжи запутались в ветках, скрытых подо льдом, и тянули меня вниз; с величайшим трудом удалось мне выбраться из воды. Бизонов было там так много, что я зачастую убивал их стрелой,

хотя охотился пешим и без других помощников, кроме хорошо выученных и привычных к охоте собак.

Когда листья на деревьях начали распускаться, Пе-шау-ба и его спутники вернулись к нам на своих каноэ из древесной коры и привезли много бобровых шкурок и других ценных мехов. Старая Нет-но-ква хотела во чтобы то ни стало возвратиться на озеро Гурон, и ее поддерживал Пе-шау-ба. Но Ваус-со и Са-нинг-вуб не желали туда идти, а Пе-шау-ба не решался расстаться с ними. Саг-гит-то последнее время очень мучился от большого нарыва на животе, образовавшегося около пупка. Пропьянствовав несколько дней подряд, он почувствовал страшную боль, и нарыв наконец прорвался. Тогда Пе-шау-ба сказал старухе: «Неладно это будет, если Саг-гит-то умрет здесь, вдали от друзей, ясно, что долго он не проживет, и я считаю самым лучшим, чтобы ты, забрав детей, возвратилась с ним на озеро Гурон. Быть может, вам удастся добраться до перекатов (водопада Со-Сент-Мари), прежде чем умрет Саг-гит-то». И по совету Пе-шау-бы наша семья разделилась. Старый вождь, Ваус-со и Са-нинг-вуб остались на месте, а Нет-но-ква и две других женщины, Саг-гит-то, Ва-ме-гон-э-бью, я, маленькая девочка, купленная старухой, и еще трое детей отправились к озеру Гурон. Маленькую девочку, родившуюся в стране боветиговенин-невугов (индейцев с водопада) Нет-но-ква перекупила у отряда оджибвеев, выступившего в военный поход. Индейцы с водопада живут вблизи Скалистых гор и охотятся обычно вместе с племенем «черноногих». Язык у них отличный от того, на котором говорят сиу и оджибвеи. Последние, как и индейцы кри, больше дружат с «черноногими», чем с индейцами с водопада. Боветигской девочке было тогда 10 лет; находясь среди оджибвеев, она выучила их язык.

Когда мы прибыли к озеру Рейни-Лейк, у нас было 10 связок бобрового меха в каждой по 40 шкурок. Нет-но-ква обменяла несколько шкурок на ром и два дня была пьяной. Там нам повстречались торговцы, направлявшиеся на лодке к Ред-Ривер. Ва-ме-гон-э-бью, которому уже исполнилось 18 лет, не хотел возвращаться на озеро Гурон и решил отправиться вместе с торговцами на север. Старуха долго уговаривала его остаться, но он взял да и прыгнул в одну из отплывавших лодок и отказался выйти из нее, хотя торговцы по просьбе старой индианки пытались его выгнать. Это сильно огорчило Нет-но-кву, которая не могла решиться на разлуку со своим единственным сыном⁵⁶ и вынуждена была остаться с ним.

Не очень-то полагаясь на честность торговцев, старая индианка не захотела оставить у них шкурки. Мы отнесли их далеко в лес, устроили там сунжегвун, или тайник, и вернулись к Лесному озеру. Отсюда к реке Ред-Ривер ведет тропа, которой пользуются только индейцы. Белые не рискуют ходить по ней, ибо она ведет через так называемый Маскет (Болотный волок). Несколько дней мы поднимались вверх по реке, которую индейцы называют Маскет-не-гум-ме-ве-си-би (Болотная река), и затратили целый день, чтобы перетащить наши каноэ через болото. Оно поросло мхом и низким кустарником, производящим сильный шум, когда люди передвигаются по воде. Только добравшись до речушки Бегвионуско, названной так по растению бегвионуск (коровья петрушка)⁵⁷, распространенному на ее берегах, мы снова смогли сесть в каноэ и выйти к сахкиегуну⁵⁸. Глубина этого озера, носившего то же название, что и речка,

---

⁵⁶ Это место, не считая стр. 100, единственное в записках Теннера, где говорится о разном отношении Нет-но-квы к Ва-ме-гон-э-бью и приемному сыну. Обычно индейцы относятся к своим и приемным детям одинаково. Так как позднее Теннер поссорился с Ва-ме-гон-э-бью, можно предположить, что здесь он приписал своей приемной матери чувства, свойственные белым, но отнюдь не индейским женщинам. – *Прим. ред.*

⁵⁷ Видимо, здесь росла не коровья петрушка (cow parsley), а коровий пастернак (cow parsnip). Так белые колонисты называли коровяк (*Heracleum spondylium*). – *Прим. ред.*

⁵⁸ Индейцы оттава называют крупные озера «китчагавме». Озеро Верхнее, например, они именуют Оджибве-китчагавме, Гурон и Мичиган – Оттава-китчагавме, а Эри и Онтарио – Эри-китчагавме. Озера меньших размеров от Виннипега до бесчисленных крошечных озер на Северо-Западе США называют сахкиегун или, в уменьшительной форме, сахкиегунун. – *Прим. ред.*

не более фута, но оно буквально кишело утками, гусями, лебедями и другой водоплавающей птицей. Там мы пробыли довольно долго и заготовили еще четыре связки бобровых шкур.

Когда листья на деревьях уже опали, Саг-гит-то скончался. Мы очутились в полном одиночестве; ближайшие поселения индейцев и белых находились не менее чем в пяти днях пути от нашей стоянки. Решив покинуть эту местность, мы вынуждены были оставить здесь всю пушнину, но болотистая почва не позволяла закопать меха, как мы обычно делали. Нам пришлось соорудить сунжегвун из древесных стволов, уложив их так плотно, что даже мышь не могла бы проникнуть в тайник.

Здесь мы оставили связки мехов и все имущество, которое не могли взять с собой. Если бы в этой отдаленной местности наши вещи нашли индейцы, они их не тронули бы, а белым торговцам нечего было делать в таком пустынном и заброшенном месте. Индейцы, живущие вдали от белых, еще не знали, как дорого ценятся меха, и не стали бы марать свою честь, обкрадывая своих же соплеменников. В те времена, о которых здесь идет речь, и в той местности, где я тогда находился, многие охотники бросали свои ловушки на несколько дней без надзора в лесу и не беспокоились об их сохранности. Нередко какой-нибудь индеец, закончив охоту, оставлял свои капканы в лесу, а другой говорил ему: «Я иду туда-то, где там твои капканы?» Воспользовавшись этими капканами, он мог передать их другому охотнику, и иногда они поочередно переходили в четвертые и пятые руки. Но собственник капканов твердо знал, что в конечном счете он получит их обратно.

Но вот выпал снег и так похолодало, что охотиться на бобров стало бесполезно. Тут-то нас и стал мучить голод. Главным нашим кормильцем был теперь Ва-ме-гон-э-бью, и он изо всех сил старался добыть нам пищу. Как-то во время одного из своих дальних охотничьих походов он наткнулся на несколько палаток оджибвеев. У этих индейцев было много мяса и они знали о нашем бедственном положении, но все же дали брату лишь столько еды, сколько он мог съесть за один раз. Ночь мой брат провел у них, а утром отправился в обратный путь. По дороге ему удалось застрелить молодого, очень тощего лося. Когда это мясо было съедено, нужда заставила нас перебраться поближе к тем негостеприимным людям, у которых побывал Ва-ме-гон-э-бью.

Мы обнаружили у них обильные запасы мяса, но они ничего нам не давали иначе, как в обмен на серебряные украшения или другие ценные вещи. Я упомянул здесь о скупости и негостеприимстве этих оджибвеев только потому, что никогда раньше не замечал; ничего подобного среди индейцев; обычно они охотно делятся своими продуктами с каждым, кто попал в бедственное положение. Мы не пробыли у оджибвеев и трех дней, как им удалось убить двух лосей. Они пригласили Ва-ме-гон-э-бью и меня разделить с ними трапезу, но выделили только самую плохую часть голени. После этого мы выменяли у них на серебряные украшения немного жирного мяса. Но это переполнило чашу терпения старой Нет-но-квы, и она запретила нам покупать что-либо у оджибвеев. Все то время, что мы прожили с ними, нас беспрестанно мучил сильный голод. Однажды Нет-но-ква поднялась очень рано поутру, завернулась в одеяло и взяла топор. Всю ночь она отсутствовала и вернулась только вечером следующего дня, когда мы уже улеглись спать в своей палатке. Старуха потрясла Ва-ме-гон-э-бью за плечо и сказала ему: «Встань, сын мой! Ты хороший бегун, посмотрим же, скоро ли ты принесешь мясо, которое Великий дух дал мне прошлой ночью. Всю ночь я взывала к нему и пела, а утром, когда заснула, ко мне пришел Великий дух и дал мне медведя, чтобы я могла накормить своих голодных детей. Ты найдешь зверя в маленькой роще среди прерий. Иди сейчас же, медведь не убежит, даже если увидит тебя». – «Нет, мать моя, – возразил Ва-ме-гон-э-бью, – сейчас уже поздно, солнце скоро зайдет, и следов на снегу не различишь. Завтра утром ты дашь маленькому братишке Шоу-шоу-уа-не-ба-се одеяло и котелок, и он пойдет вслед за мной. Днем я найду и убью медведя, брат подойдет ко мне с одеялом, и мы сможем провести ночь на том месте, где я пристрелю зверя».

Но старая индианка не соглашалась с мнением молодого охотника. Вспыхнула перебранка, и не обошлось без обидных слов, ведь Ва-ме-гон-э-бью относился к своей матери без должного почтения. Он даже позволил себе то, на что не осмелился бы ни один индеец: начал издеваться над ее верой в свою способность общаться с Великим духом и над ее утверждением, будто медведь, преследуемый охотником, не бросится от него наутек. Глубоко оскорбленная старая индианка резко отчитала сына, затем, выйдя из палатки, рассказала свой сон другим индейцам и указала им то место, где, несомненно, находится медведь. Они согласились с Ва-ме-гон-э-бью, что уже слишком поздно, чтобы тотчас отправляться на охоту, но, веря в силу молитвы старой женщины, пошли к указанному ею месту, как только забрезжило утро. И действительно, охотники нашли медведя именно там, где говорила Нет-но-ква, и без труда убили его. Медведь был большой и жирный, но Ва-ме-гон-э-бью, сопровождавший индейцев, получил для нашей семьи только незначительную долю добычи. Старуха очень рассердилась, и не без основания! Ведь если медведь и не был послан Великим духом, подсказавшим ей во сне, где надо искать зверя, то все же она нашла его по следам, которые вели в заросли, обошла их и убедилась, что медведь залег в кустарнике. Подозреваю, что она нередко прибегала к подобным уловкам, чтобы заставить других поверить в ее общение с Великим духом.

Жестокие лишения заставили нас тронуться в путь. Когда наша доля медвежатины была съедена, мы надели лыжи и направились к реке Ред-Ривер в надежде встретить других индейцев или добыть по пути какую-нибудь дичь. Еще до похода я научился ставить петли на зайцев-беляков, и на первой же ночевке, пробежав вперед по дороге, которой мы собирались идти на следующий день, расставил там несколько петель. Я рассчитывал проверить их назавтра, проходя мимо. После ужина – в голодные времена мы ограничивались только одним приемом пищи в день – наши запасы продовольствия свелись к литру медвежьего жира, хранившегося в горшке. Жир на морозе затвердел, и горшок был обвязан куском кожи.

Утром я уложил горшок вместе с другими вещами на санки и пошел вперед, чтобы проверить петли. В одной из них я нашел зайца-беляка и решил позабавить свою мать. Недолго думая я засунул живого зайца в горшок с медвежьим жиром, который снова обвязал кожей. Вечером, на стоянке, я с нетерпением ждал минуты, когда мать начнет открывать горшок, чтобы покормить нас, заранее представляя, что будет, когда оттуда выскочит заяц. Но, к моему удивлению, жир, несмотря на страшный холод, оттаял, и зверек наполовину захлебнулся в нем. В тот момент старая индианка как следует меня отчитала, но еще много лет спустя смеясь вспоминала внезапное появление зайца из горшка. Всю свою жизнь не могла она забыть и жадности соседей-индейцев, от которых мы тогда ушли.

Мы уже были в пути несколько дней, когда вдруг обнаружили следы охотников; немного спустя нам посчастливилось найти брошенную ими бизонью голову. Эта неожиданная находка утолила муки голода, и мы пошли дальше по следам, пока не достигли, наконец, стоянки наших друзей с реки Ред-Ривер.

Это была большая группа индейцев кри, предводителя которых звали Ас-син-ни-бой-наинси. Вождя сопровождал его зять Син-а-пег-а-гун. Они встретили нас сердечно и радушно, сытно накормили и снабдили самыми необходимыми вещами. Но через два месяца бизоны и другая дичь стали попадаться редко, и всем нам пришлось голодать. Однажды мы с Ва-ме-гон-э-бью бродили по прерии целый день, пока не дошли до реки, носящей название Понд. Там мы нашли бизона, но такого старого и дряхлого, что даже шерсть у него вся вылезла. Съедобным оказался только язык. Длинный переход истощил наши силы. А тут еще подул холодный ветер и поднялась сильная метель. Сколько мы не осматривались, нам не удалось обнаружить на расстилавшейся перед нами обширной равнине ни одного дерева. Торчало только несколько молодых дубков, доходивших до плеча взрослому мужчине. Нам ничего не оставалось, как спрятаться на ночь за этим ненадежным укрытием. После долгих трудов нам удалось наконец разжечь небольшой костер из тонких сырых веток. Когда земля под огнем просохла,

мы сгребли угли, улеглись на горячую золу и провели здесь бессонную ночь. На следующее утро мы пошли к своей стоянке, хотя погода была еще хуже, чем накануне, и сильный ветер не прекращался. При хорошей ходьбе нам пришлось бы идти целый день, но мы так ослабели от голода и холода, что только поздно ночью добрались до палатки. Ва-ме-гон-э-бью, менее истощенный, шел впереди. Когда он оглянулся, мы одновременно заметили, что у нас отморожены лица. Недалеко от палатки я окончательно выбился из сил. Брат, оставив меня, дошел до лагеря и послал на помощь двух женщин. Руки и лица у нас были сильно обморожены, но ноги не пострадали благодаря хорошим мокасинам.

Так как голод в лагере не прекращался, было решено разделиться и разойтись в разные стороны. Нет-но-ква задумала пойти со всей своей семьей к торговой фактории, принадлежавшей ранее м-ру Генри, утонувшему в реке Колумбия из-за того, что перегрузил свою лодку. На месте фактории возникло теперь поселение, называющееся Пембиной. Остаток зимы мы провели вместе с другими индейцами, добывая пушного зверя для торговцев. Весной с этими же индейцами мы вернулись к озеру, где остались наши каноэ. Все наше имущество лежало нетронутым. Когда к мехам, взятым из наших сунжегвунов, добавилась пушнина, добытая на реке Ред-Ривер, так что получилось 11 связок по 40 бобровых шкур и 10 связок других мехов, мы решили вернуться на озеро Гурон и продать меха в Маккинаке. У нас был еще большой сунжегвун у озера Рейни-Лейк. Хранившиеся там меха вместе с добытой пушниной сделали бы нас богатыми людьми. Напомню здесь, что Нет-но-ква не слишком доверяла честности торговцев и оставила много ценных мехов недалеко от торговой фактории у озера Рейни-Лейк. Но, возвратившись туда, мы нашли свой сунжегвун взломанным. Не осталось ни одной шкурки, не говоря уже о связке. В фактории мы обнаружили одну связку мехов, очень похожую на нашу, но нам не удалось установить, кто же ее похитил – сами торговцы или индейцы. Нет-но-ква вышла из себя и без колебаний обвинила в краже торговца. Когда мы добрались до маленького домика на другой стороне Большого волока, ведущего к озеру Верхнему, местные индейцы, работавшие на купцов, предложили перевезти наши связки на своих повозках. Но старая индианка прекрасно знала, что если меха попадут в руки торговцев, то вернуть их обратно будет очень нелегко, а может быть, и совсем не удастся. Поэтому она отказалась от помощи. Так как мать не захотела перевозить меха по дороге, используемой белыми, нам пришлось затратить несколько дней, чтобы перетащить их на себе. Когда мы прибыли на другую сторону Большого волока [Гранд-Портидж], Мак-Джилливрей и Шейббойе встретили Нет-но-кву необычайно любезно. Они угостили ее вином и настояли, чтобы она сложила свои меха в предоставленном ей помещении. Сначала купцы по-дружески пытались уговорить ее продать пушнину, но, видя, что индианка и не думает расставаться с мехами, перешли к угрозам. Молодой сын Шейббойе хотел даже отнять меха силой, но тут вмешался отец, он приказал оставить старуху в покое и даже отругал сына за грубость. Так Нет-но-кве удалось по крайней мере на время сохранить свое имущество. Возможно, меха остались бы у нее до прибытия в Маккинак, если бы не упрямство одного из членов ее собственной семьи. Вскоре после нашего приезда в поселке у волока появился человек, по имени Бит-те-гиш-шо (Кривая Молния), живший с небольшой группой соплеменников у озера Мидл-Лейк. Ва-ме-гон-э-бью крепко подружился с этими людьми и решил жениться на одной из дочерей Кривой Молнии. Между тем мы ничего о новом знакомстве брата тогда не знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.